

Evgenia N. Varnikova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Semantic and Word-Formation Features of Horse Names in the History of the Russian Language (Based on the Inventory Books of Vologda Monasteries in the 16th — Early 18th Centuries)

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 1, pp. 47–83

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.003

Language of the article: Russian

Варникова Евгения Николаевна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.)

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 47–83

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.003

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.003
УДК 811.161.1'373.2:599.723.2 + 81'38

Е. Н. Варникова
Петрозаводский
государственный университет
Петрозаводск, Россия

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ КЛИЧЕК ЛОШАДЕЙ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(по данным переписных книг вологодских монастырей
XVI — начала XVIII в.)***

Статья посвящена историческому аспекту зоонимики. На материале данных переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в., московской «Росписи лошадям» 1665 г., а также архивных документов специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» 1930-х гг. рассматриваются факты истории русских кличек лошадей. Выявляется лексический состав старорусских гиппонимов, определяется семантика апеллятивов и онимов, от которых они образованы, анализируется структура кличек лошадей, описываются способы гиппонимообразования. В использованных источниках отражается процесс формирования основных лексико-семантических моделей русской гиппонимии. По своему составу старорусская гиппонимия почти полностью совпадает с древнерусской антропонимией, что может свидетельствовать об их генетическом единстве. Вместе с тем отмечается употребление в роли кличек и христианских имен, получивших к описываемому периоду широкое распространение. Определяются структурные типы старорусских гиппонимов: зоонимы, имеющие субстантивную форму (клички, образованные от ономастической, агентивной, зоологической и предметной лексики, зоонимы-компози́ты, суффиксальные компози́ты); зоонимы, имеющие адъективную

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810 «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI—XXI вв.)».

форму; составные наименования. В роли гиппонимов, зафиксированных в монастырской письменности XVI — начала XVIII в., преимущественно используются готовые номинативные единицы, случаи создания формально новых лексем немногочисленны, причем зоонимы, как правило, образуются по суффиксальным моделям агентивной и антропонимической лексики. Основными способами зоонимообразования являются онимизация апеллативов (иногда на метафорической основе), субстантивация имен прилагательных, трансонимизация антропонимов и топонимов. Близость старорусской гиппонимии и древнерусской антропонимии по лексико-семантическим и структурно-словообразовательным признакам не только позволяет рассматривать гиппонимикон XVI–XVIII вв. как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании, но и во многом объясняет «антропонимоподобный» характер современной русской зоонимии, а также активное использование в настоящее время личных именовании в качестве кличек животных. Эти явления, как оказывается, имеют глубокие исторические корни.

Ключевые слова: русская зоонимика, гиппонимия, история гиппонимов, семантика, структура гиппонимов, способы зоонимообразования.

На фоне общей малоизученности русской зоонимии исторический аспект анализа кличек животных является совсем не разработанным. Незавершенность этого аспекта зоонимических исследований во многом объясняется спецификой самих зоонимов: сравнительной непродолжительностью их функционирования, употреблением преимущественно в устной речи и отсутствием систематической фиксации в исторических документах. Поэтому зоонимические факты, которые удастся извлечь из памятников письменности, имеют для ономастики особую ценность.

В статье рассматриваются клички лошадей, выбранные из опубликованных и рукописных документов монастырской письменности Вологодского края XVI — начала XVIII в. (см. список источников)¹. Кроме того, анализу подвергаются гиппонимы из переписных книг лошадей и скота в некоторых селах, принадлежавших Вологодскому архиерейскому дому 1680–1682 гг., а также клички лошадей, извлеченные Г. Ф. Одинцовым из московской «Росписи лошадям» 1665 г., частично включенные в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [Одинцов, 1980, 193–196]. К сожалению, автор оставил этот уникальный материал без подробного описания, ограничившись «немногими попутными замечаниями по поводу того или иного слова» [Там же, 193]. Кроме того, как объект сравнения привлекаются гиппонимы 1930-х гг., выбранные нами из архивных документов специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» [МРКСС]. Сравнимые данные совпадают по территории, но различны по времени.

Всего в работе рассматривается 507 зоонимов, из них десять — клички, выбранные из источников XVI в., 297 — из источников XVII в., 123 — из источников начала XVIII в., 77 — из источников XX в.

¹ Выражаем искреннюю благодарность доктору исторических наук М. С. Черкасовой за помощь в поиске рукописных источников.

Клички лошадей в монастырской деловой письменности старорусского периода

Как свидетельствует Г. Ф. Одинцов, в древнерусских текстах XI–XIV вв. клички лошадей не отмечены, они «обнаружены лишь в более поздних списках древних памятников: *Ветреница*, *Гром*, *Молния* в “Девгениевом деянии”² <...> Что же касается народных “прозвищ”, “прозваний” лошадей (так клички именуются в документах XVII в.), то их неизмеримо больше» [Одинцов, 1980, 192].

Однако и в текстах XVI — начала XVIII в. гиппонимы достаточно редки. Их можно обнаружить лишь в определенных видах документов. В частности, клички лошадей фиксируются в описных и приходо-расходных книгах монастырей, хотя и в этих источниках они встречаются далеко не всегда. Так, в опубликованных описях восьми наиболее значительных вологодских монастырей клички зафиксированы лишь в документах трех из них — Евфимиева Сямженского (1550-е — начало 1560-х гг.), Введенского Корнилиево-Комельского (1676 г.) и Спасо-Прилуцкого (1688 г.) монастырей [ПКВМ, 95, 247, 332]. По-видимому, фиксация кличек связана с традициями ведения описей отдельных вотчинных хозяйств этих монастырей: например, в описях Спасо-Прилуцкого мужского монастыря гиппонимы фиксируются последовательно в 1654–1655, 1655–1656, 1662, 1688 и 1702 гг. При этом нужно подчеркнуть, что в данных документах клички отмечены лишь у незначительной части лошадей. Следует также учитывать временные изменения рассматриваемых источников: по свидетельству историков, описные книги монастырей в своем развитии прошли путь от краткой фиксации компонентов монастырской вотчины к развернутому описанию монастырского землевладения и хозяйства [Башнин и др., 2011, 424].

Важно отметить, что из всех видов зоонимов в монастырской деловой письменности XVI — начала XVIII в. зафиксированы только гиппонимы, другие виды кличек отсутствуют. Очевидно, данный факт объясняется особой значимостью лошадей в монастырском вотчинном хозяйстве: они использовались и в качестве средств передвижения, и как тягловая сила на полевых работах. О множестве хозяйственных функций, выполнявшихся лошадьми, свидетельствуют их определения по назначению: «ездовые / езжалые», «санники», «возовые», «деловые / работные», «стоялые», «ездовые и деловые мерины», «пашенные мерины» и др. [Башнин и др., 2011, 428–429]. Многочисленность таких определений в монастырских описях соответствует тенденциям развития гиппологической лексики старорусского периода. По свидетельству Г. Ф. Одинцова, почти все гиппологические термины XI–XV вв. обозначают лошадь верховую, названий неверховых

² Древнерусское переложение XII–XIII вв. средневековой поэмы X в. «Дигенис Акрит», повествующей о подвигах легендарного героя-акрита Дигениса. Дошло до наших дней в трех списках XVII–XVIII вв.

лошадей очень мало. «В XVI–XVII вв. соотношение меняется: основная масса слов <...> указывает на лошадь неверховую, упряжную» [Одинцов, 1980, 198].

Количество лошадей в крупных монастырях было весьма значительным. Так, согласно описи 1688 г., в «конюшенном дворе» Спасо-Прилуцкого мужского монастыря было 305 «стоялых», «езжалых», «пахотных и работных» жеребцов, мерин, кобыл и жеребят. В монастырских селах на «скотных дворах» содержалась 31 лошадь (мерины, кобылы, жеребята) [Башнин и др., 2011, 429]. Между тем в книге приводится только семь гиппонимов [ПКВМ, 95].

Конюшни, или «конюшенные дворы», как правило, располагались за пределами монастырей и в монастырских селах. Описи свидетельствуют о том, что это были комплексы различных построек: дворы, где находились стойла для содержания животных, избы, в которых жили ухаживавшие за ними люди, амбары и сенные сараи. В состав работников входили старцы-конюшие, сельские конюхи; слуги-санники, хомутинники, ясельничие. Конюшенные старцы заботились о монастырских конюшнях, вели специальные книги, куда тщательным образом записывали всех монастырских лошадей, следили за всеми службами, где они использовались. Перечни лошадей были достаточно подробными: кроме определений по назначению, они включали в себя видовые характеристики (жеребцы, мерины, кобылы, жеребята и др.), указания на возраст («жеребчики-селетки», «жеребчики-лонщики», «третьячины»), масть, отличительные особенности внешнего вида [Башнин и др., 2011, 429].

В качестве иллюстрации приведем фрагмент из переписной книги Евфимиева монастыря (1702 г.): «На дворе лошадей. Мерин ворон, грива на обе стороны. Мерин рыж, грива налево. Мерин гнед, грива на обе стороны. Мерин рыж, грива направо. Мерин рыж, грива на обе стороны. Мерин ворон, грива направо. Мерин кар. Кобыла гнедая, грива направо. Кобыла рыжа, грива налево. Кобыла рыжа ж, грива налево. А все те лошади лето срослые. Да рогатого скота. Восемь коров дойных и недойных, шесть быков да восемь телиц двое годовых да годовых, шестнатцать бычков, да две телушки, да сегодных шесть бычков, да телушка, девятнатцать овец, боран, боров, да свинья» [ПКВМ, 255]. Как видно, лошади записаны по отдельности, указаны их внешние признаки, при этом отмечено лишь общее количество других животных. Важным отличительным признаком лошадей является их масть — она указывается в обязательном порядке. Приведенный фрагмент отражает формулу описания внешних особенностей этих животных в монастырской деловой письменности старорусского периода.

Отмечено существование специальных книг учета лошадей. Так, переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. [ПККД] содержит перечень 168 лошадей этого двора по видам: жеребцы (6), кони (5), мерины (50), кобылы (62), «кобылки» (32) и «жеребчики» (13). Взрослые лошади перечислены с указанием масти, других внешних особенностей (цвета и расположения гривы, наличия отметин, увечий и пр.), кличек или именовании посессивного либо

локативного характера (очевидно, в данной микросистеме такие именованья де-факто становились кличками). Молодые лошади («кобылки» и «жеребчики») не индивидуализированы, лишь указано их общее количество.

Лексико-семантическая характеристика зоонимов

Несмотря на наличие в монастырских документах подробных описаний внешних особенностей лошадей, а также общих указаний на их видовые и функциональные характеристики, этих сведений во многих случаях оказывается недостаточно для определения мотивировочных признаков, послуживших основанием для номинации животных. Поэтому при классификации собранного материала прежде всего учитывается семантика гиппонимопроизводящих апеллятивов и онимов. Такое основание классификации имен собственных признается ономастологами наиболее объективным [Рут, 2015, 232]. Значения производящих слов определяются с помощью исторических, диалектных и ономастических словарей. Однако и этот подход к рассмотрению исторической зоонимии не свободен от вопросов и противоречий. Предлагаемая классификация гиппонимов во многом гипотетична, что в ряде случаев усиливается многозначностью и семантическим синкретизмом исторической лексики как производящей базы гиппонимообразования. Понимая неоднозначность подобной интерпретации гиппонимии, все же используем ее как способ презентации рассматриваемого материала.

1. Гиппонимы, образованные на основе названий внешних признаков животных. Это самая большая группа (см. табл. 2 ниже). При ее выделении учитываются не только семантические особенности производящих, но и дополнительные сведения о лошадях, содержащиеся в использованных документах. Производящими для гиппонимов служат названия различных внешних признаков животных:

▪ цвета шерсти и отметин на основной масти: *Белогуз*³, *Белогузка* (ср. *гузно* 'задняя часть тела у человека или животного' [СлРЯ XI–XVII вв., 4, 155]), *Белокрыл* («мерин врыже пѣг грива направо во лбу звѣзда белоног прозванием Белокрыл» [Там же, 7, 252]), *Белоуско*, *Булань*, *Буланиха*, *Желтоусиха*, *Звездуха*, *Звеска* (ср. *звезда*, *звездочка* 'пятно белой шерсти на лбу' [Гуревич, Рогалев, 1991, 66]), *звѣздина* 'светлое пятно на лбу животного' [СлРЯ XI–XVII вв., 5, 346]), *Краснокрыл* ('с красноватым покровом на плечевых лопатках' [Одинцов, 1980, 195]), *Крылат*, *Лыскабрынка*⁴ (ср. *Лыска* смол., калуж., пск. 'кличка коровы

³ Клички приводятся в упрощенном написании: с заменой дублетных знаков и использованием прописных букв, но в остальном сохраняется их графический вид в источниках.

⁴ Нецветовая интерпретация гиппонима, думается, маловероятна: однокоренные пск., твер. *лыскануть* 'быстро скрыться, шмыгнуть куда-л.', пск., твер. *лыскать* 'уклоняться от дела, избегать работы', 'шляться, шататься, проводить время празднично вне дома', 'бегать рыскают', пск., твер. *лыскача* (дать лыскача 'уйти, убежать') [СРНГ, 17, 224] возникли, по-видимому, через зоонимическое посредство.

с белым пятном на лбу’, пск., новг., смол., твер., ряз., ворон. ‘кличка собаки с белым пятном на лбу’, *Лыско* перм. ‘кличка лошади’, перм., вят., твер., горьк., новг., арх. ‘кличка собаки’, *лысуха* томск., челяб., перм. ‘кличка лошади с белым пятном на лбу’, без указ. м. ‘животное с лысиной’ [СРНГ, 17, 224–225], ср. также: *лысина* ‘белое пятно на лбу животного (чаще лошади)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 317] и влг. *Брыня, Брынька* ‘прозвище рыжего человека’ [СРНГ, 3, 219]), *Пестрогузая, Пестроногоя, Седои* (2)⁵, *Сиволобь, Синюха* (ср. одно из значений прилагательного *синий* в [СлРЯ XI–XVII вв., 24, 150]: ‘черный, темный, почерневший’, ‘иссиня-черный’ — «Мерин рыж лыс грива налево синя»; ср. также влг. *синюха* ‘лошадь светлой масти с голубоватым оттенком’ — «Иди запрягай синюху» и влг. *синёк* ‘то же’ — «У нас в хозяйстве два синька было, отец на них робиу» [КСВГ]);

- размера и степени упитанности: *Глаткоу, Житкоу, Жиряк, Круглая, Круглышка* (ср. *круглышка* ‘то, что имеет округлую форму’, ‘тот, кто имеет округлые формы, плотное сложение’ — «Кобыла на гнѣде чала звезда во лбу прозванием Круглышка» [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 81]), *Маленкая, Маленкоу, Малко, Маслена, Мякоу, Мякота, Сухан* (2), *Сухая, Тонкоу* (2);

- особенностей телосложения (экстерьера): *Веслоух, Веслоуха* (2), *Веслоухая, Веслоухои, Вислоух* (2), *Вислоуха, Голован* (ср. юж.-сиб., влг., онеж. *голован* ‘человек или животное с несоразмерно большой головой’ [СРНГ, 6, 301]), *Горбун* (2), *Горбунья* (3), *Долгогрива, Долгуша, Кривохвост, Кривохвостая, Крутогуз, Лобан, Лобанья* (ср. *лобань* ‘человек с большим широким лбом’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 262]), *Низкопередая, Нископереда, Остроухои, Роскоряка, Слизь* (ср. р. Урал *слизами*, нареч. ‘сужаясь книзу (о хвосте лошади)’ [СРНГ, 38, 280]), *Сутулая*;

- возраста: *Стар*;

- физических недостатков, врожденных или появившихся в результате болезни или какого-либо внешнего воздействия: (мерин) *Безмудоу, Гнилобокуша, Голец, Клопоедина, Корноух, Кривая, Одноглаз, Рубец, Хромуша*.

Отметим, что среди «цветовых» гиппонимов в рассмотренной группе лишь отдельные отражают основную масть животных — *Булань, Буланиха, Седои, Синюха*. Кличек, занимающих ядерное положение в современном русском гиппонимиконе (*Сивка, Бурка, Каурка* и пр.), в вологодских материалах почти нет, как нет их и в московских материалах Г. Ф. Одинцова. Встретилась только одна пара имен: «мерин сер грива налево с отметом *Булань*» и «кобыла сера *Буланиха*» [Одинцов, 1980, 194]. Но, как видно, масть не соответствует кличкам: в современном русском языке *буланый* — ‘желтоватый, разных оттенков, особенно светлых; иногда при темном хвосте и гриве и с такой же полосой на хребте (о масти лошади)’ [ССРЛЯ, 1, 682]. Возможно, это несоответствие объясняется различиями в семантике слова *буланый* в разных говорах: ср. сиб. *буланый* ‘белый (о коне,

⁵ С помощью цифр отмечена повторяемость гиппонимов.

лошади)» [СРНГ, 3, 267]. Кстати, по свидетельству Г. Ф. Одинцова, в болгарских диалектах слово *балан* имеет значение ‘светло-серый вол, буйвол’ [Одинцов, 1973, 203].

Немногочисленность кличек по основному цвету шерсти лошадей в использованных источниках может быть объяснена рядом причин. Во-первых, рассматриваемый в статье гиппонимический материал фрагментарен. Во-вторых, лексико-семантическая группа названий мастей лошадей в старорусский период еще находилась в процессе формирования: «семантика и состав гиппологических цветообозначений, известных в современном русском языке, устанавливается в XVI–XVII вв.» [Одинцов, 1978, 212]. В-третьих, многие названия по масти представляют собой заимствования из тюркских языков (*буланный*, *бурый*, *игрневый* (*игрений*), *караковый*, *карий*, *каурий*, *саврасый*, *чалый*, *чубарый*), взаимодействие которых с исконными мастееобозначениями (*гнедой*⁶, *воронной*, *железый*, *мышастый*, *пегий*, *половый*, *рыжий*, *серый*, *сивый*, *соловый* и др.) было довольно сложным [Там же]. В-четвертых, как исконные, так и заимствованные цветообозначения в указанный период активно использовались в качестве личных именовании [Чайкина, Варникова, 2012, 146–147], на основе которых впоследствии образовались фамилии: *Буланин*, *Буланов*, *Буров*, *Буренин*, *Гнедов*, *Игрнев*, *Каражелез*, *Каракулин*, *Карев*, *Мухортов*, *Пегашев*, *Саврасов*, *Сивожелезов*, *Чалый*, *Чабарухин* (?), *Чубаров* и др.

К началу XVIII в. лексико-семантическая система названий мастей лошадей в основном уже сложилась [Одинцов, 1978, 172–173]. Многие мастееобозначения стали производящими для гиппонимов. Исторические словари русского языка отражают процессы, сопровождающие образование кличек: субстантивацию прилагательных и возникновение названий лошадей по соответствующей масти (см. табл. 1).

Таблица 1

Названия мастей лошадей в исторических словарях

Современное название масти	Данные [СлРЯ XI–XVII вв.]	Данные [СлРЯ XVIII вв.]
<i>буланный</i>	<i>буланный</i> , прил. ‘буланный’ [1, 352]	<i>буланный</i> , прил. ‘светло-рыжий’ (о масти лошади), <i>буланный</i> , субст.; <i>буланка</i> ‘лошадь буланой масти’ [2, 163]

⁶ Этимология слова *гнедой* окончательно не выяснена [Фасмер, 1, 420; Черных, 1, 194–195; ЭССЯ, 6, 167].

Окончание табл. 1

Современное название масти	Данные [СлРЯ XI–XVII вв.]	Данные [СлРЯ XVIII вв.]
<i>бурый</i>	<i>бурый</i> , прил. ‘бурый’, <i>бурко</i> ‘конь бурой масти’ [1, 358]	<i>бурый</i> , прил. ‘темно-коричневый с красноватым или сероватым отливом’ [2, 172]; <i>бурка</i> ‘конь бурой масти’ [2, 169]
<i>вороной</i>	<i>вороной</i> , прил. ‘черный или близкий к черному (о масти лошадей)’, в знач. сущ. ‘лошадь вороной масти’ [3, 34]	<i>вороной</i> , прил. ‘черный с лоском (о лошадиной масти)’, <i>вороной</i> , субст. [4, 73]
<i>гнедой</i>	<i>гнедой</i> , прил. ‘гнедой’ [4, 43]	<i>гнедой</i> , прил. ‘темно-рыжий (о лошади)’; <i>гнедко</i> ‘гнедая лошадь’; <i>гнедуха</i> ‘гнедая кобыла’ [5, 140–141]
<i>игрений</i>	<i>игрений</i> , (<i>игриненый</i>), прил. ‘светло-рыжего цвета, со светло-серой гривой и хвостом (о масти лошади)’; <i>игренец</i> ‘конь игреневои масти’ [6, 82]	<i>игрений</i> (<i>игриненый</i>), прил. ‘светло-рыжий, со светлой, белой гривой и хвостом (о масти лошади)’ [8, 249]
<i>карий</i>	<i>карий</i> (<i>карый</i>), прил. ‘красно-черный, каштановый, кофейный — о цвете шерсти, меха животных // о масти лошадей // о цвете глаз’ [7, 79]	<i>карий</i> (<i>карый</i>), прил. ‘темно-гнедой (о лошадиной масти)’ // ‘темно-коричневый (о цвете глаз, реже волос)’; \approx <i>доѣхать на карих</i> (кого) ‘донять, поставить в трудное положение’ [9, 258]
<i>каурый</i>	<i>каурый</i> (<i>коурый</i> , <i>ковурый</i> , <i>кувурый</i>), прил. ‘каурий, светло-рыжий, светло-каштановый (главным образом, о масти лошади)’ [7, 93]	<i>каурий</i> , прил. ‘светло-каштановый (о масти лошади)’; <i>каурка(-ко)</i> ‘лошадь каурой масти’ [10, 15]

Приведенные данные показывают, что вслед за исконными названиями мастей заимствованные прилагательные также начинают употребляться в значении существительных, которые затем превращаются в клички. Ядерное положение этих кличек в традиционном гиппонимиконе обусловлено тем, что масть лошади — это очень яркий и важный внешний признак, имеющий наследственный характер.

Обязательное описание лошадей по масти (при наличии / отсутствии кличек)⁷ в монастырской письменности старорусского периода, очевидно, не столько было показателем стиля или жанра произведений, сколько отражало общеупотребительность такой номинации. Неслучайно поэтому почти все названия мастей имеют в современном русском языке переносные значения, развившиеся по линии «масть → конь соответствующей масти», а также дериваты типа *буланка*, *бурка*, *гнедко*, *каурка*, *савраска* и пр. (с учетом диалектных слов количество этих дериватов увеличивается). Такие образования возникают на основе заимствованных цветообозначений сравнительно поздно — в XVII–XVIII вв.

2. Гиппонимы, производные от различных наименований лиц, нейтральных и экспрессивных. Это вторая по численности группа кличек. Среди них преобладают гиппонимы, созданные на основе нейтральных названий лиц по различным признакам:

- этническими: *Башкирец*, *Колмакъ* (ср. *колмак* урал. ‘название народности: калмык’, новг. ‘прозвище (какое?)’ [СРНГ, 14, 139]), *Татарин*, *Татарка* (зоонимы могут указывать на породу или происхождение лошадей);

- территориальными: *Галечанин*, *Заозерь*, *Каргопол*, *Новгородец*, *Холмогориха* (зоонимы могут отражать место приобретения или рождения животных);

- социальными: *Бобыл*, *Дворянка*, *Князекъ*, *Княиня*, *Новожил* (ср. вят., новг., смол. *новожил* ‘переселенец’ [СРНГ, 21, 257]), *Привал* (ср. нижегор., влг. *привал* ‘муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены’, вят. ‘пришлый человек, принятый в общину’, влг. *привала* ‘приемыш’ [СРНГ, 31, 127–128]), *Холоп* (зоонимы *Новожил*, *Привал* могут быть связаны с особенностями и последовательностью появления лошадей в монастырском хозяйстве);

- профессиональными: *Водовоз*, *Воеводиха*, *Воеводька* (2), *Воевотка* (ср. *воеводка* ‘военачальник’, ‘управитель, должностное лицо’ [СлРЯ XI–XVII вв., 2, 262]), *Детеньши*⁸ (ср. *детеньши* ‘дворовый, работающий по найму в монастырской вотчине’ [Там же, 4, 237]), *Извоцик*, *Плясун*, *Поп* (2), *Подадь*, *Просвирня* (2), *Просвиряк* (2) (ср. *просвирня* ‘женщина, занимающаяся выпечкой просвир’ [Там же, 20, 215]), *Трапезница* (2) (ср. *трапезник* ‘церковный староста, ктитор’, вят. ‘церковный сторож, который встарь жывал в сторожке в самой церкви’ [Даль, 4, 426]), *Фонарникъ* и др. (зоонимы *Воеводиха*, *Воеводька*, *Воевотка* могут свидетельствовать об особенностях нрава лошадей — вольности, независимости; клички *Водовоз*, *Извоцик*, *Просвирня*, *Трапезница* могут отражать

⁷ При совпадении кличек в одном конюшенном дворе (единичные случаи) масть лошадей, очевидно, служила главным средством их различения: «кобыла каряя кривая Тотемская» — «кобыла сера грива на обѣ стороны Тотемская», «меринь гнѣдь грива на обѣ стороны правое ухо сверху рѣзано Стрелицкою» — «меринь игрень грива налево Стрелицкою» [ПККД, 5 об., 7–8].

⁸ Некоторые примеры из этой группы выражают не только профессиональную, но и социальную характеристику лиц.

функциональное назначение или место постоянного использования животных; зооним *Плясун* — особенности бега лошади);

- в о з р а с т н ы м⁹: *Девка, Девочка, Молодка, Молотка*.

Клички, созданные на базе э к с п р е с с и в н ы х агентивов, хотя и уступают по количеству рассмотренным выше, также довольно многочисленны: *Волынец* (ср. ряз. *волынец* ‘своевольник, вольный гуляка, сорванец’, *волынить* дон. ‘затевать драку, толкаться’, перм. ‘шалить, толкаться’ [СРНГ, 5, 83]), *Дира* (ср. однокоренные *деряга, диряга* влг., вят. ‘вздорный, сварливый человек’, перм. ‘драчун, драчунья, сорванец, забияка’ [СРНГ, 8, 32, 67]), *Заворуи* (ср. *заворуй* иван., перм. ‘вор, воришка’, влад. ‘озорник, повеса, плут’, перм., костр. ‘прозвище’ [СРНГ, 9, 340]), *Колотило* (ср. *колотило* ‘тот, кто колотит, стучит, — о сварливом человеке’ [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 252]), *Лодыба, Лодыга* (ср. перм. *лодыга* ‘лодырь’ [СРНГ, 17, 106], ср. также *Ленко* ‘кличка-характеристика лошади (медлительный, ленивый, вялый?)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 205]), *Маравка* (ср. пенз. *маравка* ‘нечистоплотный, неряшливый человек’ [СРНГ, 17, 368]), *Мина* (возможно, от ср.-урал. *минать* ‘много есть’ [СРНГ, 18, 166]), *Мозоха* (ср. однокоренное дон. *мозань* ‘неряха, грязная женщина’ [Там же, 201]), *Непоглас* (ср. влг. *непогласным голосом кричать* ‘ругаться’ [СРНГ, 21, 112]), *Обух* (ср. *обух* ‘тупой, глупый человек’, ‘упрямый человек’ [Даль, 2, 1615–1616]), *Подуруи* (ср. влад. *подуруй* ‘полусумасшедший человек’, пск., твер., пенз. *подурчивый* ‘своенравный, взбалмошный’, пск., твер. *подурь* ‘своенравие, упрямство’ [СРНГ, 28, 229]), *Розбойник, Ругачек* (ср. юж., горьк., р. Урал *ругачка* ‘сварливая, склонная к ругани женщина’ [СРНГ, 35, 231]), *Шило, Шилохвост, Шилохвостая* (ср. урал., прион. *шило* ‘пронырливый человек’, мурм. *шилохвостина* ‘непоседа’, карел. *шилать* ‘ходить без дела, проводить время впустую’ [Кюршунова, 2010, 612]), *Шпынь* (ср. *шпынь* др.-рус. ‘не желающий работать, скитающийся повсюду человек’, твер. ‘плут, бездельник’, влг. ‘шутник, шут’ [Чайкина, 1989, 64]). Можно предполагать, что гиппонимы, образованные от экспрессивных наименований лиц, отражают особенности нрава и поведения лошадей (вольность, игривость, агрессивность, леность, нечистоплотность и пр.). Им близки клички, представляющие прямые номинации указанных качеств (см. группу 5).

Некоторые отагентивные клички по семантике производящих апеллятивов могут быть интерпретированы неоднозначно: *Кикимора* (ср. калуж. *кикимор* ‘домосед, нелюдим’, *кикимора* вят. ‘домосед, нелюдим’, влг. ‘о тихом, скромном человеке’, новг., перм., урал. ‘о беспокойном, неуживчивом человеке’, костр. ‘о хитром настойчивом человеке невзрачной наружности’, олон. ‘о хитрой, злой

⁹ Возможна и иная (невозрастная) интерпретация кличек *Девка, Девочка*: ср. моск., латв. (рус.) *мальчик* ‘обычное название коня; кличка лошади’ [СРНГ, 17, 345]. Зоонимизации нарицательного *девка* могло способствовать употребление его в говорах в функции обращения к лицам женского пола, независимо от возраста (курск., смол., твер., ср.-урал., прибайк., ворон., калуж., влад., костр., олон., свердл., перм., приангар. [СРНГ, 7, 317]). В этой функции слово фиксируется и [СВГ, 2, 15]. Вокативная функция, как известно, является основной и для зоонимов в устной речи.

женщине', орл. 'о худошавом человеке' [СРНГ, 13, 205]), *Ляма* (ср. *ляматы* пск., арх., перм. 'медленно, вяло пережевывать пищу, есть', пск. 'жевать (о жвачных животных)', арх., курск. 'делать что-л. неохотно, еле-еле', арх. 'медленно двигаться'; *ляма* сев.-двин. 'высокорослый долговязый человек; дылда', оренб., свердл., пск., влад., курск. 'вялый, нерасторопный человек; мямля, разиня', костр. 'изнеженный человек, неженка' [СРНГ, 17, 274]), *Пестер* (ср. *пестерь* в переносных значениях: юж.-сиб., свердл., сев., вост., перм., влг., арх., краснаяр. 'бран. о неуклюжем, неловком человеке', костр. 'о полном человеке', влг., свердл. 'бран. о простоватом, бесхитростном человеке', вят., перм., кемер., енис. 'бран. о глупом, пустом человеке', барнаул., томск., кемер. 'о бестолковом человеке', перм. 'о ребенке' [СРНГ, 26, 312]), *Шарап* (2) (ср. производные карел. *шараповатый*, *шарапова голова* 'экспр. растрепанный, непричесанный человек' [СРГК, 6, 835] и влг. *шарап* 'человек с кривыми ногами' [Чайкина, 1989, 62], а также однокоренное ленингр., новг. *шарапора* 'человек, идущий медленно, плохо, вперевалку' [СРГК, 6, 835] — так могли назвать лошадь с дефектами постановки передних (косолопостью) или задних ног (О-образностью) [Гуревич, Рогалев, 1991, 155]).

3. Гиппонимы, образованные от антропонимов. Незначительно уступают по количеству кличкам рассмотренной группы зоонимы, в основе которых лежат личные именованья: *Аника*, *Афонка*, *Вавила*, *Власко*, *Костя*, *Лука*, *Максимко*, *Матюшка* (2), *Микулка*, *Огафонко*, *Оленка*, *Павел*, *Панка*, *Петрушка*, *Прохорь*, *Сергушка*, *Сидорка*, *Спиридон*, *Улита*, *Филка*. В роли кличек используются полные и уменьшительные (преимущественно) формы христианских имен, пришедших к описываемому времени на смену языческим древнеславянским именам. Возможно, отантропонимическое происхождение имеет и кличка *Сунгур* (если это не фантом, возникший при прочтении скорописи), производящим для которой могло быть личное имя тюркского происхождения (ср. фамилия *Сунгуров* и топонимы *Сунгурово* — названия деревень в Курганской и Нижегородской областях, *Сунгуровка* — название деревни в Башкортостане). Но на фоне других отыменных гиппонимов в рассматриваемых источниках эта кличка выглядит инородно. Антропогиппонимы в монастырской письменности XVI — начала XVIII в. свидетельствуют о давней традиции использования личных имен в качестве кличек животных в русском языке.

Производными от антропонимов могут быть и адъективные клички лошадей: *Бердяевь*, *Блохинь*, *Вахромеевской*, *Домниньская*, *Домнинской*, *Засодемской*, *Лукина*, *Лягушкинская*¹⁰, *Мумарин*, *Пановская* (купленная «у Михаила Панова» [Одинцов, 1980, 195]), *Сергеевской*, *Симановской*, *Сыдашин*, *Федоровской*, *Федосиевской*, *Фрязинской*, *Хабаров* и др. По-видимому, в таких именованьях сохранились имена и фамилии лиц, у которых были куплены лошади, или лиц,

¹⁰ Ср. твер. *лягушки* 'прозвище жителей деревни, расположенной в болотистой местности' [СРНГ, 17, 258].

внесших вклад в монастырское хозяйство: ср. «конь булань грива на обе стороны дар Силина», «конь бурь грива направо дар Громова» [КУПРД, 33], «на конюшенном дворе на стойле жеребец гнед — вклад Якова Волинскова» [ПКВМ, 332]. На это указывают и генитивные конструкции с посессивным значением: «мерин рыж грива налево Ивана Якимова», «мерин голуб грива на обѣ стороны Ивана Якимова» [ПККД, 4 об.–5].

Своеобразны по структуре отантропонимические клички кобыл в переписной книге конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г.: *Игнатиха, Исаиха, Козиха, Коледиха, Кузнечиха, Мумариха, Петриха, Ребриха, Шестачиха* [ПККД, 6 об.–9 об.]. Одноструктурность этих кличек, скорее всего, определена действием гиппонимической микросистемы. Связь с личными именованиями подтверждает повторяемость основ в кличках мерин и кобыл этого двора: *Мумарин — Мумариха*.

4. Гиппонимы, образованные от топонимов. Довольно многочисленны топонимы: *Бориловской (Борилово — деревня в окрестностях Спасо-Прилуцкого монастыря), Боровской, Бурдуковской (Бурдуково — деревня в Вологодском районе), Васильевской, Великорецкая, Великорецкой, Волоцкой, Вычегда, Вычегодской, Глубоковская, Глушицкая (Глушица — деревня в Вологодском районе), Григорьевской, Дмитриевка, Ивановская, Ивановской, Кириловской, Лукина, Оларевской, Самара, Скопин, Скопинская, Стрелицкая, Стрелицкой, Тотемская, Тотемской* и др. Предполагаем, что клички, образованные от названий вологодских деревень и городов, могли отражать перемещение животных внутри монастырских вотчин; клички, возникшие на базе названий других городов, — место приобретения или рождения лошадей.

5. Гиппонимы, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей. Такие клички представляют собою прямые или (иногда) образные номинации свойств животных: *Баловень, Быстрая, Визгуша, Грязка, Гряска, Добрыня, Добрынька, Лягунья, Обнимало, Опрелко, Пуло* (ср. однокоренные арх., олон. *пулевастик, пулевастый, пулеватик, пулеватый* ‘о том, кто неопрятен и слюняв’ [СРНГ, 33, 121]), *Рыкуша* (ср. олон. *рыкучий* ‘издающий рык, рыкающий (о животном)’ [СРНГ, 35, 308]), *Сапун, Слина* (ср. *слина* ‘слюна’ [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 25]), *Сосунья, Спиха, Сцака, Толкун, Тыркунь* (ср. перм. *тыркать* ‘ударять, стучать’, карел., арх., свердл., влад. *тыркнуть* ‘ударяя, стучать, производить шум’, ‘толкать кого-, что-л.’, свердл., *тыркнуть*, ср. также вят. *тыркуша* ‘спорщик, сварливый человек’ [СРНГ, 45, 333, 335]), *Хохотун* (кличка, по-видимому, отражает особенности ржания этого мерина), *Частоступ* и др.

6. Гиппонимы, образованные от названий животных других видов. Отдельную группу составляют клички, производные от названий животных, птиц и насекомых (преимущественно птиц): *Блоха, Варнавка* (ср. зап.-сиб. *варнава, варнавка* ‘птица семейства утиных; красная утка’ [СРНГ, 4, 55]), *Воробей, Гагара, Гогара, Гнида, Гоголь (2), Клоп, Коза, Козел, Медвѣдь, Медвид, Орел, Петух (2), Синица (2), Таракан, Щука*. Такие клички также могли быть связаны с теми или

иными свойствами лошадей, но описи не содержат необходимой информации об этом. Лишь в некоторых случаях возможна предположительная интерпретация: *Варнавка* — «кобыла бура» [ПККД, 7], *Воробей* — «жеребец темно сѣр» [Одинцов, 1980, 193], *Таракан* — «конь ворон» [ОИ-1, 96]: основой номинации может быть масть животных.

7. Гиппонимы, образованные от названий различных предметов. Ряд кличек соотносится с наименованиями предметов (в отдельных случаях веществ): *Гудок*, *Заплата*, *Копыл*, *Копылиха* (ср. *копыл* 'каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней' [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 299], без указ. м. *копыл* 'стояк, вставленная во что-л. торцом деревяшка' [СРНГ, 14, 300]), *Ожегъ* (одно из значений слова *ожегъ* (*ожегъ*) в [СлРЯ XI–XVII вв., 12, 305] — 'палка с обожженным концом, используемая как кочерга; обожженное на конце древко — примитивное копье'), *Сметана*, *Сума*, *Труба*. Клички этой группы могли возникнуть на основе различных мотивировочных признаков. Зоонимы *Гудок* и *Труба* могли быть связаны с особенностями нрава и поведения лошадей (ср. с ранее рассмотренными кличками *Визгуша* и *Рыкуша*). Имена *Заплата* и *Сметана* могли обозначать отметины (врожденные белые или темные пятна на волосяном покрове лошади [Гуревич, Рогалев, 1991, 136]) на основной масти животных: *Заплата* — «мерин карь грива налево с отметом» [КУПРД, 35], *Сметана*¹¹ — «мерин в рыже чал» [Там же] (чалую масть коневоды рассматривают как прирожденную «примесь отдельных белых волос к волосам основного цвета на туловище (особенно на крупе) и в меньшей степени на голове и ногах у рыжих, гнедых, вороных лошадей (рыже-чалая, гнедо-чалая, вороно-чалая)» [Гуревич, Рогалев, 1991, 301]). Клички *Копыл*, *Копылиха* и *Ожегъ* могли отражать степень упитанности лошадей: ср. однокоренное яросл. *копыловатый* 'худощавый, костлявый' — «Мерин-то не что, да добре копыловат» [СРНГ, 14, 301] — так могли назвать худую, костлявую лошадь.

8. Гиппонимы, образованные на основе способов фиксации родственных связей животных. Такие клички образуют микросистемы: жеребец *Брызгало* — кобыла *Брызгалова мати*; жеребец *Воеводька* — кобыла *Воеводка* — кобыла *Воевоткина мати* — кобыла *Воевоткина сестра*; кобыла *Дмитриевка* — кобыла *Дмитриевкина дочь*; кобыла *Просвирня* — кобыла *Просвирнина доч*; мерин *Шевяк* — кобыла *Шевякова мати*. Зоонимические микросистемы организованы по образцу антропонимических, хорошо изученных в исторических описаниях личных именований официально-деловой письменности старорусского периода. Для отражения родственных связей лошадей в гиппонимии, как и в исторической антропонимии, последовательно используются термины родства. Но если в антропонимах обычно употребляются слова *сын*, *дети*, то в зоонимах — слова

¹¹ Ср. кличку *Сметанка* светло-серого арабского жеребца, родоначальника орловской рысистой породы.

дочь, сестра, мать. Кроме того, в антропонимии номинация лиц, как правило, осуществляется по направлению от старшего поколения к младшему, в гиппонимии же, как видно из примеров, возможен и обратный порядок именованья — от младшего поколения к старшему.

9. Гиппонимы, образованные от названий частей тела. Отдельные клички соотносятся с соматической лексикой: *Копыто, Лодышка, Нога, Нос*. Гиппонимы-соматизмы, на наш взгляд, могут быть связаны с какими-либо внешними признаками лошадей — особенностями окраса или физическими недостатками.

10. Наконец, фиксируются отдельные гиппонимы, не составляющие особых групп, но имеющие прозрачную внутреннюю форму. Это прежде всего типично «лошадиные» клички: *Катай, Косько* (2) (ср. *козь-козь* смол., дон., брян., ворон., калуж., орл., курск., тул., пенз., ставроп., кубан., краснодар., свердл., ср.-урал., новосиб., эст. (рус.), латв. (рус.) ‘слово, которым подзывают лошадей’, кубан., сарат. ‘слово, которым отгоняют жеребенка’ [СРНГ, 15, 95]). Сюда же можно включить гиппонимы, интерпретация которых представляется затруднительной или неоднозначной: *Болона* (ср. *болонка* казан., яросл., влад., новг., твер. ‘шишка, опухоль, нарост на теле человека’, симб., яросл. ‘надоедливый человек’ [СРНГ, 3, 77]), *Брызгалиха* (ср. влад. *брызгало* ‘человек, который, не выслушав, что ему говорят, спорит и ссорится’ [Там же, 214]; не исключаем также, что кличка отражает особенности бега лошади), *Воротинец* (ср. однокоренные арх. *воротило* ‘упрямец, самовольник’, новг., влг. *воротины* ‘возвращение, возврат’, влг., иван. *воротить* ‘выполнять какую-л. тяжелую работу; делать что-л. с напряжением, с усердием’ [СРНГ, 5, 119–120]), *Жила* (ср. *жила* казан., астрах., твер., арх., ворон. ‘упрямец’, ‘спорщик’, дон. ‘тот, кто жульничает в игре’, орл. ‘несправедливый человек’ [СРНГ, 9, 173], также ср. *жила* и *жиля* ‘жеребенок’ [СлРЯ XI–XVII вв., 5, 110]), *Зыбка* (возможно, кличка отражает плавность бега лошади — ср. *зыбка* ‘зыбка, люлька’ [Там же, 6, 71], но возможны и другие варианты интерпретации: ср. петерб., пск. *зыбка* ‘корзинка’ [СРНГ, 12, 31] — в этом случае кличка может быть связана с упитанностью животного, ср. также *зыбать* яросл., перм. ‘есть, кушать’, твер. ‘делать что-л. продолжительно и напряженно, изо всех сил’, калуж., курск. ‘идти медленно, с трудом, тащиться’, новг., влг., перм., урал., бурят. (рус.), хакас., краснояр. ‘сильно стучать, колотить во что-л.; стучаться’, перм., якут. ‘колотить, тузить кого-л.’ [СРНГ, 12, 28]), *Коробь* (2), *Коробица, Королек* (ср. *королёк* арх. ‘красивый, видный человек (или животное)’ — «С телом (выхоленная) лошадь — королек, а без тела — коробок», влад. ‘женщина с плавной, красивой походкой’, в народных названиях животных (без указ. м.) — ‘красивое и редкое по каким-л. качествам животное’, а также влг. ‘человек маленького роста’, [СРНГ, 14, 360–361]), *Корона* (2), *Коронной, Косадка, Кружиха* (возможно, кличка связана с особенностями поведения лошади: ср., например, одно из значений глагола *кружить* — ‘шалить, озорничать’ (енис.) [СРНГ, 15, 311]), *Кручина, Лодейка, Натек* (ср. пск., твер. *натек* ‘отек, опухоль (лица, ног) при

водянке’, яросл. *натёк* ‘пришлый человек, чужак (не местный житель)’, влад. *натёка* ‘пришлый человек, чужак (пришедший на промыслы)’ [СРНГ, 20, 217], *натека́ти* ‘устремляться, нападать’ [СлРЯ XI–XVII вв., 10, 284], *Опалиха* (ср. *опаль* ‘горячность’, *опала* ‘гнев, неудовольствие’, *опалати* ‘приводить в состояние гнева, распалять’, *опалатися* ‘гневаться’ [Там же, 12, 379]), *Подтилигуз* (скорее всего, кличка связана с особенностями телосложения — размером задней части тела животного), *Понарья* (ср. *Панарии* (*Понарии*) ‘название сочинения Епифания Кипрского «Панарии»’ [Там же, 14, 143–144]), *Пилай*, *Пылай* (ср. прозвище калуж. *Пылай* [СРНГ, 33, 119] и современную фамилию *Пылаев*), *Пупыш* (ср. *пупыш* влг. ‘карбункул на теле’, сев.-зап., арх. ‘о низкорослом полном человеке’ [Там же, 134], *пупышь* ‘выпуклое украшение из металла’ [СлРЯ XI–XVII вв., 21, 47]), *Скипка* (ср. одно из значений слова *скипа* — ‘что-л. большое, толстое’ (олон.) [СРНГ, 38, 6]), *Субота*, *Троекопытная* (возможно, кличка отражает особенности окраса лошади), *Харчевка*, *Харчевник* (ср. *харчевник* без указ. м. ‘хозяин харчевни’, влг., сиб. *харчать* ‘хрипло дышать и говорить’, арх. *харчить* ‘сипеть’ [Даль, 4, 1169]), *Часовня*, *Шепел* (ср. *чепель*, *шепель* ‘железная лопатка для очистки пеньки от кострыки’ [Веселовский, 1974, 350, 366], орл. *чепель* ‘железная лопаточка для отрепки, очистки пеньки от кострыки, кострыки’ [Даль, 4, 1305], смол., калуж. *чепела* ‘сковородник’ [Даль, 4, 1305; Веселовский, 1974, 366; Фасмер, 4, 333] — возможно, таким образом в кличке отразился мотив худобы животного).

Результаты лексико-семантического анализа гиппонимов, отмеченных в вологодских материалах, отражены в табл. 2.

Таблица 2

Количественные показатели по лексико-семантическим группам гиппонимов

Группы гиппонимов по семантике производящих онимов и апеллятивов	Количество кликчек в группе
Гиппонимы, образованные от названий внешних признаков животных:	
— цвета шерсти и отметин на основной масти;	20
— степени упитанности;	15
— особенностей телосложения;	28
— возраста;	1
— физических недостатков	9
Всего	73
Гиппонимы, производные от наименований лиц по различным признакам:	
— этническим;	4
— территориальным;	5
— социальным;	7

Окончание табл. 2

Группы гиппонимов по семантике производящих онимов и апеллятивов	Количество кличек в группе
— профессиональным;	18
— возрастным;	4
— поведенческим	23
Всего	61
Антропогиппонимы	60
Топогиппонимы	53
Гиппонимы, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей	21
Гиппонимы, образованные от названий животных других видов	20
Гиппонимы, образованные от названий различных предметов	8
Гиппонимы, возникшие на основе фиксации родственных связей животных	6
Гиппонимы, образованные от названий частей тела	4
Гиппонимы, не составляющие отдельных групп, а также клички, имеющие затруднительную или вариантную интерпретацию	26

Сопоставим рассмотренные гиппонимы с кличками лошадей, выбранными Г. Ф. Одинцовым из московской «Росписи лошадям» 1665 г. Анализ этих кличек обнаруживает почти полное соответствие семантическим моделям вологодской гиппонимии. Выделяются те же самые группы гиппонимов.

1. Клички, образованные от названий различных внешних признаков животных — размера, степени упитанности, особенностей телосложения, цвета шерсти, отметин на основной масти и пр.: *Бородавка, Заплата, Короткои, Космач (2), Остроухои, Седои, Тонкои, Усачь*.

2. Гиппонимы, образованные от различных наименований лиц: *Болда* (ср. *балда* ‘дурак, тупица’ [Веселовский, 1974, 12]), *Вихляи, Вихляи Большой, Вихляи Меньшой* (ср. *вихляй* ряз. ‘тонкий, худой и высокий человек’, влг. ‘долговязый, мешковатый, вялый человек и лентяй’, влг., новг. ‘ленивый, неуклюжий, неповоротливый человек’, тамб. ‘разиня, ротозей, нерасторопный человек’, смол. ‘лодырь, лентяй’, влад. ‘разгильдяй’, олон. ‘прозвище по характеру’ [СРНГ, 4, 304–305]), *Глот, Глутон* (ср. *глот* арх., влг., костр. ‘*бран.* прожорливый человек, обжора’, костр., яросл. ‘*бран.* жадный человек’, курск., моск. ‘человек, притесняющий людей и присваивающий чужое’, сиб., енис., костр., иван., моск., куйбыш., ряз. ‘крикун, горластый человек’, моск., костр. ‘*бран.* воришка’ [СРНГ, 6, 201]), *Дворянка, Дъвка, Дикуша* (ср. *дикуша* арх., вят. ‘шальной, малоумный, слабоумный человек’, томск. ‘слабоумный, неразвитый человек’, вят. ‘беспокойный,

назойливый, сварливый, придиричивый человек', 'застенчивая нелюдимая женщина' [СРНГ, 8, 65]), *Дылда*, *Золотаренок* (ср. *золотарь* 'золотых дел мастер, ювелир, позолотчик' [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 56]), *Крикун*, *Перелыга* (ср. без указ. м. *перелыга* 'сплетник, сплетница; лживый человек' [Даль, 3, 159]), *Розбоиникъ*, *Халда* (ср. без указ. м. *халдить* 'шататься, таскаться без дела', 'кричать, драть горло', 'беспутно браниться, нахальничать' [Даль, 4, 541], вят., костр., яросл., смол. *халда* 'дерзкий, бесстыдный человек', 'наглец, нахал' [КСРНГ; Фасмер, 4, 217; Даль, 4, 541], смол. *халдей* 'нахал', 'плут, проходимец' [Кюршунова, 2010, 565–566]), *Чабанъ*, *Чебанъ*, *Шарапецъ*, *Шерап* (анализ двух последних гиппонимов см. выше).

3. Гиппонимы, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей: *Крутой*, *Кусаика*, *Кусака*, *Немир* (ср. *немиръ* 'вражда, раздор; война', *немирникъ* 'неприятель, враг', *немирный* 'находящийся во вражде', *немирование* 'враждебные отношения', *немирье* 'несогласие, раздор, вражда' [СлРЯ XI–XVII вв., 11, 171–175], без указ. м. *немир* 'разлад, раздор, ссора' [Даль, 2, 1358], пск., смол. *немирный* 'недружественный, неприязненный' [СРНГ, 21, 81]), *Рыкуша*, *Северга*, *Сиверга* (ср. пск., твер. *северга* 'торопыга, нетерпеливый' [Даль, 4, 115]), *Угримко*, *Частоступъ* (2).

4. Клички, образованные от названий животных: *Барашикъ* (2), *Воробеи*, *Воробеико*, *Гус*, *Жеравль*, *Жоравликъ*, *Заецъ*, *Заяцъ*, *Кочат*, *Кочеть*, *Лосенок*, *Медвѣдоко* (2), *Орель*, *Сауга*, *Синица* (2), *Шогол*.

5. Клички, возникшие на основе фиксации родственных связей животных: кобыла *Нырок* — кобыла *Нырчонок Хохина* — кобыла *Ныркова дочь Ляля*; кобыла *Улита* — жеребец *Улитичь*.

6. Антропогиппонимы: *Улита*, «кобыла хозяина Просвиренка».

7. Топогиппонимы: *Дунай*¹².

Выделяется также значительная часть кличек, интерпретация которых затруднительна или предположительна: *Былинка*, *Веретенцо* (возможно, кличка отражает особенности экстерьера (худобу) или поведения (привычку ласкаться) лошади), *Глагол*, *Змеика* (ср. *змѣйка* 'узор, имеющий сходство с ползущей змеей, т. е. витой, волнистый' [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 37]), *Дериглаз*, *Козановскои*, *Кулантеи* (ср. ряз. *кулан* 'торговец лошадьми' [СРНГ, 16, 53]), *Лапа* (возможно, кличка связана с отметиной на шерсти животного: ср. латв. (рус.) *лапа* 'заплата' [Там же, 260]), *Левикъ*, *Лихорадец* (ср. однокоренное вят. *лихорадный* 'злобный, недоброжелательный' [СРНГ, 17, 81]), *Моклок* (ср. *маклак*, *маклок* тул., арх. 'плут, мошенник; проныра', тамб. 'своекорыстный, скупой человек, скряга', а также костр., тамб., ленингр., эст. (рус.), латв. (рус.) *маклок* 'мосол, выступающая кость' [Там же, 310–311]), *Нырок* (ср. *нырок* пск., твер. 'о маленьком ребенке, начинающем

¹² Этимология антропонима *Дунай* признается учеными неясной [Чайкина, 1989, 21; Кюршунова, 2010, 158].

бегать', нижегор. 'о резвом мальчике' и *нырок* влад. 'нарыв', байкал., свердл. 'гноящаяся рана, язва', калуж., тул. 'воспаление плечевого мышца у лошадей', твер. 'болезненный желвак на теле лошади, «ныряющий» при прикосновении' [СРНГ, 21, 325], а также *ныривый* 'злой, коварный' [СлРЯ XI–XVII вв., 11, 452]), *Прибавокъ* (ср. арх. *прибавок* 'прибавка, добавка' [СРНГ, 31, 103], влг. *прибава* 'прибавка' [СВГ, 8, 37]), *Сакович*, *Слеза*, *Чапчикъ* (ср. олон. *чапать* 'трогать, брать, хватать', 'качать', карел. *чапа*, *чапка* 'сковородник', арх. *чапала* 'тот, кто выполняет работу недобросовестно' [Кюршунова, 2010, 579–580]), *Шадура Перелыгина*, *Шимоха*, *Шутик*.

Хотя выделенные группы гиппонимов в вологодских и московских материалах почти полностью совпадают (разницу составляют малочисленные группы кличек), их лексическое и количественное наполнение различно. Эти различия представлены в табл. 3.

В то же время выделяется интегральная часть кличек, отмеченных как в вологодском, так и в московском зоонимиконах: *Воробей*, *Дворянка*, *Девка*, *Заплата*, *Медвѣдь* — *Медвѣдко*, *Рыкуша*, *Тонкои*, *Частоступъ* — *Частоступ*, *Шарап*. Очевидно, клички, повторяющиеся на разных территориях, дают представление об основном репертуаре гиппонимов старорусского языка.

Своеобразие старорусского гиппонимикона отражает сопоставление его с кличками лошадей из архивных документов 1930-х гг. Покажем это на примере некоторых наиболее типичных групп гиппонимов (см. табл. 4).

Данные таблицы, с одной стороны, наглядно свидетельствуют о преемственности семантических моделей в гиппонимии Вологодского края на протяжении XVI–XX вв., с другой стороны, показывают различия в лексическом наполнении одних и тех же групп гиппонимов. Так, среди кличек, образованных от названий внешних признаков животных, в XX в. уже преобладают номинации по масти лошадей, в группе гиппонимов отагентивного происхождения появились новые названия лиц по профессии (*Балерина*, *Лоцман*, *Матрос*, *Пилот*), в группе кличек, образованных от названий животных, лидируют производные от орнитонимов (эта тенденция наметилась еще в старорусской гиппонимии¹³), кроме того, модели гиппонимов получили словообразовательное развитие (ср. *Орел* — *Орлик*, *Соколик I*, *Соколик II*), существенно изменился состав антропогиппонимов, в него вошли производные от имен, пополнивших русский антропонимикон к началу XX в.

Однако такая преемственность не может быть определена как узколокальное явление, характерное только для вологодской гиппонимии. Скорее рассматриваемые материалы отражают формирование семантических моделей данного вида зоонимов в русском языке в целом: клички лошадей, производные от названий лиц по физическим и нравственным качествам, по действию, должности, титулу,

¹³ Ср. устойчивые сравнения *кони-птицы*, *птица-тройка* и под. в фольклоре и классической литературе.

Таблица 3

Различия в лексическом и качественном наполнении групп гиппонимов в вологодских и московских материалах

Группы кличек	Вологодские материалы		Московские материалы	
	Количество	Примеры	Количество	Примеры
Клички, образованные от названий различных внешних признаков животных	73	<i>Белозуз, Белокрыл, Вислоух, Заплата, Крутоуз, Лобанья, Малко, Маслена, Остроухои, Сутулая</i>	9	<i>Бородавка, Заплата, Космач, Остроухои, Сеодои, Тонкои</i>
Клички, образованные от различных наименований лиц	61	<i>Башкирец, Воеводька, Дворянка, Извоицки, Фонарникъ</i>	19	<i>Болда, Глутон, Дьвка, Золотаренок, Халда</i>
Антропогиппонимы	60	<i>Аника, Афонка, Вавила, Власко, Пановская</i>	2	<i>Улита, «кобыла хозяйина Просвиренка»</i>
Топогиппонимы	53	<i>Великорецкои, Волоцкои, Самара</i>	1	<i>Дунай</i>
Клички, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей	21	<i>Баловень, Быстрая, Визгуша, Добрыня, Лягунья, Обнимало, Рыкуша</i>	10	<i>Крутой, Кусаика, Кусака, Немир, Рыкуша, Частоступ</i>
Клички, образованные от названий животных	20	<i>Блоха, Воробей, Гагара</i>	19	<i>Барашикъ, Воробеико, Жеравль</i>
Клички, образованные от названий различных предметов	8	<i>Заплата, Ожегъ, Сума, Труба</i>	—	—
Клички, возникшие на основе фиксации родственных связей животных	6	<i>Дмитриевка — Дмитриевкина дочь</i>	3	<i>Улита — Улитич</i>
Клички, образованные от названий частей тела	4	<i>Копыто, Лодышка, Нога, Нос</i>	—	—
Клички с неясной и вариантной интерпретацией	26	<i>Болона, Зылка, Корона, Путиши</i>	20	<i>Глагол, Змеика, Козановскои, Кулантеи</i>
Общее количество	337		83	

Таблица 4

Своеобразие старорусского гиппонимикона в сопоставлении с кличками лошадей 1930-х гг.

Группы кличек	XVI–XVIII вв.	XX в.
Клички, образованные от названий различных внешних признаков животных	<i>Белозуз, Белогузка, Блокерыл, Вислоух, Глаткой, Гнилобокуша, Голец, Голован, Горбун, Долгогрива, Долгуша, Желтоусиха, Житкой, Жиряк, Заплата, Звезда, Краснокрыл, Кривохвост, Круглая, Круглышка, Крутозуб, Маслена, Молодка, Мяжон, Низкопередая, Остроухои, Роскоряка, Седои, Стар, Сухан, Сухая, Тонкой, Хромуша</i> и др.	<i>Белоногий, Буланко, Бурко, Буско, Воронуха, Гнедая, Звезда, Звёздочка, Звёздка, Малютка, Рыжик, Рыжко, Серко</i> и др.
Гиппонимы, образованные от различных наименований лиц	<i>Баширеч, Бобыл, Воеводица, Водовоз, Галечанин, Дворянка, Девка, Девочка, Извоицк, Каргопол, Князекъ, Колмакъ, Новгородец, Новожил, Поп, Привал, Просвиряк, Татарка, Трапезница, Холоп</i>	<i>Балерина, Богатырь, Вестник, Гетман, Лоцман, Мальчик I, Мальчик II, Матрос, Пилот, Попадья, Рыцарь, Цыганка</i>
Клички, образованные от названий животных	<i>Блоха, Воробей, Гагара, Гогара, Гнида, Гоголь, Клоп, Коза, Козел, Медвѣдь, Медвид, Орел, Петух, Синица, Щука</i>	<i>Баклан, Векиша, Ласточка, Орлик, Соколик I, Соколик II</i>
Антропогиппонимы	<i>Аника, Афонка, Вавила, Власко, Игнатиха, Костя, Лука, Матюшка, Микулка, Мумариха, Оленка, Павел, Панка, Петрушка, Прохорь, Сергушка, Сидорка, Спиридон, Улита, Филка</i>	<i>Аза, Граня, Егор, Ермак, Ида, Мавра, Макарко, Маруська, Марфа, Масалиха, Розка, Стѣпка, Танька, Федька, Филька</i>

от названий животных и птиц, а также антропо- и топогиппонимы и наименования по масти приводятся в числе продуктивных подмножеств в русской гиппонимии XIX–XX вв. [Щетинин, 1994, 108–110].

По лексическому составу старорусская гиппонимия почти полностью совпадает¹⁴ с древнерусскими именами, прозвищами и современными фамилиями¹⁵. Примеры такого совпадения приведены в табл. 5.

Таблица 5

Совпадения старорусских гиппонимов и антропонимов

Гиппоним	Антропоним
<i>Белогуз</i>	<i>Белогуз</i> [Веселовский, 1974, 18]; совр. <i>Белогузов</i> ¹⁶
<i>Белокрыл</i>	<i>Белокрыльцев</i> [Там же]; совр. <i>Белокрыльцев</i>
<i>Вислоух</i>	<i>Вислоух, Вислоуховы</i> [Там же, 36], <i>Вислоухъ</i> [Тупиков, 2004, 142]; совр. <i>Вислоухов</i>
<i>Долгогрива</i>	совр. <i>Долгогривов</i>
<i>Звезда</i>	совр. <i>Звездин</i>
<i>Короб, Коробица</i>	<i>Коробъ</i> [Там же, 329], <i>Коробьев</i> [Кюршунова, 2010, 251–252]; совр. <i>Коробицын, Коробков, Коробов</i>
<i>Кривохвост</i>	совр. <i>Кривохвостов</i>
<i>Мозоха</i>	совр. <i>Мозохин</i>
<i>Немир</i>	<i>Немира, Немиръ</i> [Тупиков, 2004, 254], <i>Немир, Немирко, Немиров</i> [Кюршунова, 2010, 371–372]; совр. <i>Немиров</i>
<i>Подуруй</i>	совр. <i>Подуруев</i>
<i>Субота</i>	<i>Субота</i> [Тупиков, 2004, 432–433], <i>Суббота, Субботин</i> [Кюршунова, 2010, 515]; совр. <i>Субботин</i>
<i>Сума</i>	<i>Сума</i> [Тупиков, 2004, 435], <i>Сума, Сумка, Сумкин</i> [Кюршунова, 2010, 518]; совр. <i>Сумкин</i>
<i>Халда</i>	<i>Халдей, Халдеев</i> [Кюршунова, 2010, 579–566]; совр. <i>Халдеев</i>
<i>Шевяк</i>	совр. <i>Шевяков</i>
<i>Шаран</i>	<i>Шаранов</i> [Тупиков, 2004, 888], <i>Шаран, Шаранов</i> [Кюршунова, 2010, 604]; совр. <i>Шаранов</i>

¹⁴ Конечно же, речь идет о «разумном» совпадении: так, среди гиппонимов-соматизмов нет клички *Рука*, среди гиппонимов, соотносительных с агентивами, выражающими различные качества характера, отсутствуют лексемы со значениями ‘невнимательный человек’, ‘пьяница’, ‘невежественный человек’ и др.

¹⁵ Не удалось найти таких соответствий среди современных фамилий для гиппонимов *Гнилобокуша, Клопоедина, Краснокрыл, Лыскабрынка, Низкопередая* и др.

¹⁶ Здесь и далее: современные фамилии принадлежат пользователям Рунета.

Подобные совпадения не только указывают на сходство номинативных признаков людей и животных¹⁷, отраженных в исторической антропонимии и гиппонимии, свидетельствуют о взаимодействии этих ономастических разрядов в процессе их исторического формирования [см. об этом: Варникова, 2011, 60], но и могут служить подтверждением генетического единства антропонимов и зоонимов. Возможно, такое единство этих классов имен имел в виду и П. Т. Поротников: «Следует полагать, что в течение длительного времени происходил “естественный” ономастический отбор материала, в результате чего выработались типичные клички животных, ставшие своеобразными “именами”, не употребляющимися в качестве прозвищ людей» [Поротников, 1972, 243]. Думается все же, что ономастический отбор был не «естественным», а «революционным»: как известно, к концу XVII в. древнерусские антропонимы исчезли из активного употребления, уступив место заимствованным христианским именам, но, как показывает анализ использованных нами материалов, продолжали функционировать в качестве кличек лошадей в начале XVIII в. И уже в источниках XVI–XVII вв. начинают появляться в роли кличек животных христианские личные имена, получившие особенно широкое распространение в современной зоонимии. Таким образом, можно утверждать, что вслед за сменой именника в русской антропонимии такая смена произошла и в зоонимии.

Приведенные факты во многом объясняют «антропонимоподобный» характер современной русской зоонимии [Супрун, 2000, 6], а ее сходство с нехристианскими русскими именами и современными прозвищами, отмечаемое всеми ономатологами [Смирнов, 1971, 300; Поротников, 1972, 211; Романова, 1988, 3–4; и др.], как оказывается, имеет глубокие исторические корни. С иных позиций оценивается и активное использование в настоящее время в качестве кличек животных личных именований, о чем пишут авторы многих публикаций [Поротников, 1972, 233–235; Фоякова, 1984, 115; Рядченко, 1988, 92; Романова, Салмина, 2003, 178; и др.]. Это не есть результат отхода от традиций позапрошлого века, когда, по наблюдениям В. И. Даля, «грешно было кликать собаку человеческим именем» [Рядченко, 1994, 80], а, напротив, продолжение традиций зоонимической номинации, сложившихся исторически и отражающих единство всего живого [см. об этом: Чайкина, Варникова, 2012, 148].

¹⁷ Сходство этих признаков отражает не только именная, но и глагольная лексика: ср. *крякнути* ‘издать крик, кряканье (об утке)’, ‘издать отрывистый горловой звук (о людях)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 99] — *крякать* ‘издавать крик, кряканье (об утке)’, ‘издавать отрывистый горловой звук вроде утино крика, кряканья’ [ССРЛЯ, 5, 1768]; *лаяти* ‘лаять’, ‘ругать, бранить, поносить кого-л.’, ‘бесчестить’, ‘злобствовать неистовствовать’; *лаятися* ‘бранить, поносить друг друга’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 181–182] — *лаять* ‘издавать лай’; ‘устар., прост. бранить, ругать кого-л.’ [ССРЛЯ, 6, 85]; *пискати* ‘играть на свирели, дудке’, ‘пищать, щебетать (о птицах)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 15, 54] — *пищать* ‘издавать писк (о птенцах, насекомых, маленьких животных)’; ‘разг. говорить писклявым (или тихим) голосом’ [ССРЛЯ, 9, 1275].

Тесная историческая связь русской зоонимии с антропонимией, формирование зоонимии как самостоятельного ономастического класса под воздействием антропонимии, а также инерционное продолжение некоторых антропонимических явлений в зоонимии позволяют рассматривать старорусскую зоонимию как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании. Во-первых, с помощью зоонимических данных выявляются личные именованья, до настоящего времени не отмеченные в исторических антропонимических словарях: *Долгогрива, Звезда, Кривохвост, Мозоха, Подуруй, Шевяк* и др. (см. табл. 6). Во-вторых, зоонимическая лексика в ряде случаев помогает уточнить семантику личных именованья. Обратимся к конкретному примеру. Антропонимы *Копыль, Копыловъ* без интерпретации приводятся в словарях Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского [Тупиков, 2005, 610; Веселовский, 1974, 84]. Правда, С. Б. Веселовский замечает, что В. И. Даль указывает разные значения производящего нарицательного *копыл*. И. А. Кюршунова приводит несколько этимологий имени *Копыл*, опираясь на данные исторических, этимологических и диалектных словарей, но прежде всего отмечает, что «мотив именованья был каким-то образом связан с нарицательным *копыль*, известным древнерусскому языку в следующих значениях: ‘каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней’, ‘род лопаты’» [Кюршунова, 2010, 244–245]. В процессе анализа старорусского гиппонима *Копыл* нами, как было показано выше, устанавливается направление его связи с производящим апеллятивом *копыл* при помощи диалектного производного *копыловатый* ‘худощавый, костлявый’ — «Мерин-то не что, да добре копыловат» (яросл.) [СРНГ, 14, 301], что дает основания предполагать это же значение и у антропонима *Копыл*. Продуктивность данной семантической модели в антропонимии и гиппонимии, по-видимому, позволяет выстроить целый ряд именованья с тем же значением ‘худощавый, костлявый’: *Копыл, Ожегъ, Чапчик, Шепел* (см. выше анализ этих гиппонимов). Впрочем, не исключена также обусловленность антропонимов и гиппонимов *Копыл* значением производящего нарицательного *копыл* ‘стояк, вставленная во что-л. торцом деревяшка’, реализованным в производном глаголе смол., яросл. *копылиться* ‘ломаться’, ‘упрямиться’, ‘чваниться’, ‘гордиться’ [СРНГ, 14, 301; Даль, 2, 405–406] и прилагательном яросл. *копыльный* ‘упрямый’, ‘любящий спорить’ [СРНГ, 14, 302].

Структура и словообразование гиппонимов

Лексико-семантический анализ старорусских кличек лошадей, проведенный с использованием исторических, диалектных и ономастических словарей, свидетельствует о том, что в роли гиппонимов, зафиксированных в монастырской письменности XVI — начала XVIII в., преимущественно использовались готовые номинативные единицы, а случаи создания формально новых лексем

для именования животных немногочисленны: *Гнилобокуша, Клопоедина, Лыскабрынка, Рыкуша* и др.

Рассмотрим структурные и словообразовательные особенности гиппонимов.

Абсолютное большинство кличек лошадей, отмеченных в документах вологодских монастырей XVI — начала XVIII в., являются однословными. Только семь номинаций (из 337) представляют собою словосочетания, почти все они отражают родственные связи животных: *Брызгалова мати, Воевоткина мать, Воевоткина сестра, Дмитриевкина дочь, Просвирнина доч, Шевякова мать*, лишь одна кличка указывает на принадлежность лицу или отношению к месту: *Василевская Домнина*. В московских материалах Г. Ф. Одинцова составные наименования также отмечены среди кличек, связанных с родословными животных (*Ныркова доч Ляля*), и посессивных образований: *кобыла хозяина Просвиренка* (конечно, это еще не кличка, но письменная фиксация отличительного признака животного, по-видимому, отражает процесс образования адекватных гиппонимов на основе таких описательных конструкций). Кроме того, с помощью добавочных компонентов дифференцируются тезоименные номинации: *Вихляи Большої — Вихляи Ме(н)шої*.

Среди однословных кличек преобладают гиппонимы, имеющие субстантивную форму. Это клички, образованные от ономастической, агентивной, зоологической и предметной лексики. Гиппонимообразование на базе разных лексических групп осуществлялось разными способами. Путем трансонимизации образовались многие антропогиппонимы и некоторые топогиппонимы: *Аника, Афонка, Вавила, Власко; Самара, Скопин* и др. Гиппонимы, соотносительные с нарицательными агентивами, возникли преимущественно в результате их онимизации: *Башкирец, Водовоз, Галечанин, Горбун, Татарин* и др. Онимизация части агентивной лексики, нейтральной и экспрессивной (но прежде всего экспрессивной), осуществлялась, по-видимому, на метафорической основе: *Новожил, Ругачек, Привал, Плясун, Подуруи* и др. Метафоричными могли быть и клички, образованные от названий животных других видов и предметов: *Воробей, Орел, Таракан, Щука; Гудок, Заплата, Копыл* и др. На основе синекдохи возникли гиппонимы-соматизмы: *Копыто, Лодышка, Нога, Нос*. Клички, образованные подобными способами, характерны и для московской гиппонимии: *Улита, Девка, Крикун, Лосенок, Синица, Заплата* и др.

Особую группу составляют клички-субстантивы, образованные от существительных, прилагательных и глаголов суффиксальным способом (суффиксация играет здесь гиппонимообразующую роль): *Брызгалиха, Грязка, Долгуша, Звезда, Звеска, Лягунья, Обнимало, Опрелко, Рыкуша, Хромуша* и др. Большая часть этих гиппонимов — клички кобыл, обозначающие их внешние и поведенческие признаки, поэтому неслучайно для гиппонимообразования в большинстве примеров использованы суффиксы, выражающие значение 'лицо (или животное) женского пола': *-их(a), -к(a), -уш(a), -ух(a), -j(a)*. В переписной книге конюшенного

двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г., как уже отмечалось выше, продуктивны отантропонимические производные с суффиксом *-иха*: *Игнатиха*, *Исаиха*, *Козиха*, *Коледиха* и др. Образование суффиксальных кличек, очевидно, осуществлялось по готовым моделям. Среди этих моделей фиксируются древние, известные еще с праславянского периода структуры на *-ло*¹⁸ (*Обнимало*) и *-ай* (*Катай*) [см. об этом: Азарх, 1984, 86–88, 127–129]. Суффиксальные образования встречаются и в московской гиппонимии: *Дykuша*, *Рыкуша*.

В вологодских материалах родовые характеристики гиппонимов-субстантивов строго соответствуют полу животных. В московской гиппонимии неоднократно встречаются несоответствия по роду: «кобыла *Гус*, кобыла *Жоравлик*», «кобыла *Мѣринол Ивашкова* ездовая», «аргамак *Синица*», «жеребец *Синица*», «кобыла *Шогол*» [Одинцов, 1980, 193–194].

Адъективные образования (субстантивированные прилагательные) отмечены в группах кличек, производных от названий внешних признаков животных: *Гладкой*, *Нископередая*, *Остроухой*, *Сухая*, *Тонкой* и др., особенностей их нрава и поведения: *Быстрая*, *Пулеватыи*, а также от прилагательных, выражающих отношение к какому-либо лицу или месту: *Вахромеевской*, *Домнинская*, *Домнинской*, *Засодемской*; *Борилевской*, *Боровской*, *Бурдуковской*, *Глушицкая* и др. В вологодской гиппонимии субстантивированные прилагательные довольно многочисленны (около трети всех кличек), в московских материалах они единичны и отмечены только в группе именовании по внешним признакам лошадей: *Короткой*, *Остроухой*, *Седой*, *Тонкой*.

По-видимому, на базе сложных прилагательных возникли и гиппонимы-композицы, зафиксированные в документах в субстантивной форме: *Белогуз*, *Белокрыл*, *Веслоух*, *Долгогрива*, *Кривохвост*, *Крутогуз*, *Нископереда* и др. На отадъективное образование таких кличек указывает, в частности, наличие пар зоонимов типа *Нископереда* и *Нископередая*: вторая кличка представляет собою обычное субстантивированное прилагательное, в первой вследствие субстантивации происходит усечение окончания. Очевидно, таким образом первоначально формировалась данная модель, и затем уже по сложившемуся образцу создавались гиппонимы.

Думается, отадъективное происхождение имеют и суффиксальные композицы, отмеченные главным образом среди кличек кобыл: *Белогузка*, *Белоуско*, *Желтоусиха*, *Гнилобокуша* и др. Для образования таких кличек используются те же морфемы, что и в собственно суффиксальных структурах: *-к(а)*, *-их(а)*, *-уш(а)*. Эти суффиксы непосредственно выполняли гиппонимобразующую функцию, но движущей силой гиппонимобразования в данном случае была субстантивация сложных прилагательных. Образование кличек осуществлялось по готовым суффиксальным моделям. Все гиппонимы-композицы зафиксированы в вологодских материалах, в московском гиппонимиконе они отсутствуют.

¹⁸ Эта модель отмечается и в кличках отапельлятивного происхождения: *Колотило*.

Структурно-словообразовательные особенности зоонимов представлены в табл. 6.

Таблица 6

Структурно-словообразовательные особенности гиппонимов

Структурные особенности гиппонимов	Словообразовательные особенности гиппонимов	
	Вологодские материалы	Московские материалы
Гиппонимы-словосочетания	<i>Брызгалова матери, Воевошкина сестра, Дмитриевкина дочь</i>	<i>Ныркова дочь Ляля, Вихляй Большой — Вихляй Меньшой</i>
Гиппонимы в субстантивной форме: антропо- и топогиппонимы	трансонимизация <i>Аника, Власко Самара, Скопин</i>	трансонимизация <i>Улита, Дунай</i>
гиппонимы, производные от агентивов	онимизация апеллятивов (возможна метафоризация) <i>Башкирец, Привал</i>	онимизация апеллятивов (возможна метафоризация) <i>Глот, Дёвка, Халда</i>
гиппонимы, производные от названий животных и предметов	онимизация апеллятивов на основе метафоры <i>Медвид, Орел, Таракан Заплата, Копыл</i>	онимизация апеллятивов на основе метафоры <i>Барашикь, Воробей, Гус, Синица, Шогол</i>
гиппонимы-соматизмы	онимизация апеллятивов на основе синекдохи <i>Копыто, Лодышка</i>	—
гиппонимы-композицы	субстантивация прилагательных и как ее следствие — усечение окончания <i>Нископереда Белогуз, Белокрыл</i>	—
суффиксальные композицы	суффиксация, образование по модели <i>Желтоусиха, Гнилобокуша</i>	—
суффиксальные образования	суффиксация, образование по модели <i>Брызгалиха, Грязка</i>	суффиксация, образование по модели <i>Дикуща, Рыкуша</i>
Гиппонимы в адъективной форме	субстантивация прилагательных: <i>Гладкои, Нископередая, Стрелицкои, Тотемскои</i>	субстантивация прилагательных: <i>Короткои, Остроухои, Седои, Тонкои</i>

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в вологодском и московском гиппонимиконах структурные типы кличек в основном совпадают. Отсутствие гиппонимов-композигов и незначительное количество кличек в форме прилагательных в московских материалах может быть объяснено их меньшим количеством в сравнении с вологодскими, возможными региональными различиями в старорусской гиппонимии, особенностями гиппонимических микросистем (так, например, большая часть адъективных образований зафиксирована в переписной книге конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря, в описях других монастырей такие структуры немногочисленны) и пр. Более объективные объяснения установленных различий могут дать только сравнительно-сопоставительные исследования старорусской гиппонимии других регионов России.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что близость старорусской гиппонимии (и шире — зоонимии) и древнерусской антропонимии по лексико-семантическим и структурно-словообразовательным признакам не только позволяет рассматривать зоонимикон XVI–XVIII вв. как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании, но и во многом объясняет «антропонимоподобный» характер современной русской зоонимии, а также активное использование в настоящее время в качестве кличек животных личных именованных.

Приложение

Список гиппонимов, использованных в статье (с указанием источников)

Источник	Клички
XVI век	
Переписной список имущества и казны (1550-е — начало 1560-х гг.) [ПКВМ, 244–247]	<i>Скипка, Симановской, Петух, Левкиевский, Лыскабрынка, Федосиевской, Лодыба, Поп, Мина</i> (с. 247)
Приходо-расходные книги Корнильева Комельского монастыря 1576–1577 гг. Рукоп. ЛОИИ. К. 11. № 100 [Одинцов, 1980, 194]	<i>Афонка</i> (с. 194)
XVII век	
Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1626–1627 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 5	<i>Волоцкои</i> (л. 253)
Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1627–1628 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 6	<i>Волоцкои, Бобыл, Микулка</i> (л. 193 об.); <i>Костя, Шило, Засодемскои</i> (л. 194)
Приходо-расходная денежная книга Вологодского архиерейского дома за 1632 г. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 7	<i>Водовозь</i> (л. 289 об.); <i>Шепель</i> (л. 294 об.)

Продолжение приложения

Источник	Клички
Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1654–1655 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 44	<i>Торокан, Колмакъ, Воротинец, Пановъ, Любимъ, Пылаи</i> (л. 96)
Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1655–1656 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 47	<i>Торокан, Колмакъ, Воротинец</i> (л. 46 об.)
Книга учета прихода и расхода денег Вологодского Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1662 г. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57	<i>Кикимора, Суханъ, Вахромеевской, Василевской</i> (л. 32 об.); <i>Горбун, Волюнец, Извощикъ, Хабаровъ, дар Силина, дар Громова, дар Перхурьева</i> (л. 33); <i>Филка, Башкирец, Нога, Сергушка, Голец, Вавила, Бурдуковской</i> (л. 33 об.); <i>Власко, Субота, Бурдуковской, Оларевской, Великорецкой, Унской (?)¹⁹, Фрязинской, Сума, Нос, Семеновской, Жила</i> (л. 34); <i>Крутогузь, Шепел, Панка, Вавила, Опелко, Стар, Петрушка</i> (л. 34 об.); <i>Кривоховость, Баловень, Сметана, Боровской, Крылат, Бориловской, Заплата</i> (л. 35); <i>Лука, Жирякъ, Веслоухъ, Сапун, Сергеевской</i> (л. 35 об.)
Роспись лошадям (1665 г. — Столбцы Архива Оружейной палаты, Рукоп. ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 8. № 9803) [Одинцов, 1980, 193–194]	<i>Барашикъ, Болда, Бородавка, Былинка, Веретенцо, Вихляи, Вихляи Болюшой, Ме(н)шой, Воробей, Воробейко, Глагол, Глот, Глутон, Гус, Дворянка, Дѣвка, Дерглаз, Дикуша, Дунаи, Дылда, Жеравль, Жоравликъ, Заецъ, Заяць, Заплата, Змеика, Золотаренок, Козановской, Короткой, Космачъ, Космач, Кочат, Крикун, Крутой, Кулантеи, Кусаика, Кусака, Лапа, Левикъ, Лихорадецъ, Лосенок, Ныркова доч Ляля, Медвѣдко, Меринок Ивашикова ездоя, Моклокъ, Немиръ, Нырокъ, Нырчонок Хохина, Орель, Остроухой, Перелыга, Прибавокъ (с. 193), Хозяина Просвиренка, Розбоиник, Рыкуша, Сага, Саковичъ, Северга, Сиверга, Седои, Синица, Слез, Тонкой, Угримко, Улита, Улитичъ, Халда, Чабанъ, Чапчикъ, Частоступ, Частоступъ, Чебан, Шадура Перелыгина, Шарапец, Шерап, Шимоха, Шутикъ, Шогол</i> (с. 194)

¹⁹ Сложности в прочтении скорописи и некоторая доля сомнения в правильности расшифровки написанного.

Продолжение приложения

Источник	Клички
Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная иподьяконом вологодского архиепископа Симона К. В. Щоткиным на игумена Ефрема (1676 г. октября) [ПКВМ, 310–332]	<i>Орел, Копыл, Копыто, Пуло</i> (с. 332)
Переписные книги лошадей и скота в некоторых селах, принадлежавших Вологодскому архиерейскому дому (1680–1682 гг. — Рукоп. ГПБ. Шифр QX. № 10) [Одинцов, 1980, 194–196]	<i>Белогуз, Белогуска, Белокрыл, Блоха, Брызгалиха, Брызгалова мати, Булань, Буланиха, Быстрая, Василевская Домнина, Веслоуха, Вислоуха, Воеводиха, Воеводька, Воеводка, Воевоткина мать, Воевоткина сестра, Воробей, Гагара, Гогара, Галечанин, Гладкой, Глушицкая, Гнида, Гнилобокуша, Гоголь, Голован, Горбун(ь)я, Горбунья, Горьбунь, Грязка, Гряска, Гудок, Дворянка, Дѣвка, Детеныш, Дира, Дмитриевка, Дмитриевкина дочь, Добрынька, Добрыня, Долгогрива, Долгуша, Домнинская (с. 194); Домнинской, Желтоусиха, Житкой, Заворуи, Звездуха, Зыпка, Катаи, Клопъ, Князекъ, Княиня, Козель, Колотило, Копыл, Копылиха, Коробица, Коронной, Косадка, Коско, Кос'ко, Краснокрыл, Круглая, Круглышка, Кручина, Лобань, Лобанья, Лодыга, Лягунья, Лягушкинская, Ляма, Маслена, Матюшка, Медвид, Медвѣдь, Мозоха, Молотка, Мякота, Натекка, Нископереда, Нископередая, Новожил, Обнимало, Обух, Ожегъ, Оленка, Опалиха, Павел, Пановская, Плясун, Понарья, Привал, Просвирнина доч, Просвирня, Просфирня, Просфиряк, Просфирякъ, Пылаи, Роскоряка, Рубец, Синюха, Сидорка, Скопин, Скопинская, Слина, Сосунья, Спиха, Сухан, Сухая, Татарка, Толкунь, Тонкой, Трапезница, Тряпезница, Труба, Тыркунь, Харчевка, Холопъ (с. 195); Хромуша, Шарапъ, Шевякъ, Шевякова мать, Шилохвость, Ш'пын(ь), Щука. В других источниках: Визгуша, Корона, Розинка, Самара (с. 196)</i>
Переписка архиепископа Симона с игуменом духовных дел Софийского дома	<i>Григорьевской, Кириловской, Безмудой, Петухъ, Коробъ, Воевотка, Харчевник,</i>

Продолжение приложения

Источник	Клички
<p>Феодосием, казначеем старцем Афана- сием, дяками Иваном Алениным, Бори- сом Марковым, Кириллом Борисовым: о посылке домовых людей и лошадей в Москву за архиепископом (лл. 1, 2, 6, 7, 13, 24, 25, 15 об.). Роспись лошадей с при- метами и кличками (л. 26). 1682 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5802</p>	<p><i>Крюковской (?), Звеска, Фролка (?), Корноухъ, Белоуско, Сунгур (?), Шаран, Королек, Лодышка, Ругачек (?), Волк (?), Подуруи (?), Непоглас (?)</i> (л. 26)</p>
<p>Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа П. Ташлыко- вым, отписавшим монастырь на архиман- дрита Иону с соборными старцами (1688 г. января) [ПКВМ, 45–108]</p>	<p><i>Каргопол, Пылай, Федоровской, Спири- дон, Мумарин, Ивановской, Пилай</i> (с. 95)</p>
XVIII век	
<p>Переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 129</p>	<p><i>Сычугов, Ребрихинъ, Блохинъ, Мяковъ, Бердяевъ, Шестачихинъ</i> (л. 2 об.); <i>Дья- коновской, Порошын, Сурин, Гневашевъ, Пикиныхъ</i> (л. 3); <i>Супоросинъ, Тотемской, Бестужев, Вараксин, Сорокинъ, Троец- кои, Слизъ, Сиволобъ, Хохотун</i> (л. 3 об.); <i>Заозерь, Огафонко, Малко, Лукининъ, Сони- ковской, Фонарникъ, Копыловской, Губкин- ской, Поченской, Прохоръ, Ивановской, Шестачихинъ</i> (л. 4); <i>Попъ, Ребрихинъ, Кулеберевская, Шиленской, Чижихинъ, Янгасыркинъ, Звонаревъ, Ивана Яки- мова, Мумарин</i> (л. 4 об.); <i>Фетининской, Коробъ, Тонкои, Чашы, Луховитинъ, Козленской, Ивана Якимова, Максимко, Ребрихинъ, Александровской, Вагинской</i> (л. 5); <i>Стрелицкои, Веслоухои, Хвоцевской, Маленкои</i> (л. 5 об.); <i>Шестачиха, Ямская, Попадья, Ребриха, Жолвуня, Кружиха, Игнатиха, Козиха</i> (л. 6 об.); <i>Домышинская, Холмогориха, Красковская, Стрелицкая, Великорецкая, Варнавка, Тотемская, Под- пилигуз, Лодеика, Кривая, Поляниха</i> (л. 7); <i>Сычугова, Панья, Вычегоцкая, Колоколов- ская, Мумариха, Единская, Коциха, Коле- диха, Поляниха</i> (л. 7 об.); <i>Глубоковская,</i></p>

Окончание приложения

Источник	Клички
	<i>Василевская, Короваевская, Исаиха, Вычегда, Тотемская, Маравка, Домшинская, Пестроногая (л. 8); Красковская, Пупышь, Сцака, Шилохвостая, Ивановская, Пестрогузая, Болона, Веслоуха, Троекопытная (л. 8 об); Кривохвостая, Маленская, Веслоухая, Кузнечиха, Богороцкая, Боярони, Поляниха, Игнатиха (л. 9); Горбунья, Ребриха, Лушка, Мумарина, Часовня, Замаеская, Сутулая (л. 9 об.)</i>
XX век	
Материалы о развитии коневодства в совхозах Севмаслотреста в 1932–1933 гг. // ГАВО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 181	<i>Орлик, Белоногий, Гордый, Буланко, Воронуха, Бурко (л. 46); Цыганка, Граня, Танька, Верный, Буско, Буланко, Попадья, Мальчик, Красотка, Егор, Совхозный, Звезда, Рыжко, Попадья (л. 47); Шарик (прозвище Клубок), Федька (прозвище Кривой), Планета, Векиша, Ермак, Буско, Лафет, Рыжик, Баян, Фимка, Экстра, Мавра, Ида, Гнедая, Вестник, Балерина, Маруся, Ласточка, Зорька Молодая, Малютка, Орлик, Соколик I, Матрос (л. 53); Ракета, Аза, Макарко, Мальчик I, Мальчик II, Зорька Старая, Лоцман, Соколик II, Тюфяк, Звёздочка, Масалиха, Марфа, Степка, Гетман, Злодей, Ромба, Минорка, Ракета, Рыцарь, Сердечный, Богатырь, Звездка, Розка (л. 54); Соколик, Серко (прозвище Грек), Баклан, Ветерок, Непобедимка, Пилот, Матис, Муха (л. 55)</i>

Источники

- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.
 ГАВО — Государственный архив Вологодской области.
- Гуревич Д. Я., Роголев Г. Т.* Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М. : Росагропромиздат, 1991.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс : Универс, 1994.
- КСВГ — картотека «Словаря вологодских говоров» (кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, Вологда)
- КСРНГ — картотека «Словаря русских народных говоров» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).

- КУПРД — Книга учета, прихода и расхода денег Вологодского Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1662 г. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57.
- Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.
- МРКСС — Материалы о развитии коневодства в совхозах Севмаслотреста в 1932–1933 гг. // ГАВО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 181.
- ОИ-1 — Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1654–1655 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 44.
- ОИ-2 — Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1655–1656 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 47.
- Переписка архиепископа Симона с игуменом духовных дел Софийского дома Феодосием, казначеем старцем Афанасием, дьяками Иваном Алениным, Борисом Марковым, Кириллом Борисовым: о посылке домовых людей и лошадей в Москву за архиепископом (лл. 1, 2, 6, 7, 13, 24, 25, 15 об.). Роспись лошадей с приметами и кличками (л. 26). 1682 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5802.
- Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная иподьяконом вологодского архиепископа Симона К. В. Щоткиным на игумена Ефрема (1676 г. октября) // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 310–332.
- Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа П. Ташлыковым, отписавшим монастырь на архимандрита Иону с соборными старцами (1688 г. января) // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 45–108.
- Переписной список имущества и казны (1550-е — начало 1560-х гг.) // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 244–247.
- ПКВМ — Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011.
- ПККД — Переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 129.
- Приходо-расходная денежная книга Вологодского архиерейского дома за 1632 г. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 7.
- Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1626–1627 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 5.
- Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1627–1628 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 6.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.] (вып. 1–6) ; гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 7–10) ; гл. ред. Д. Н. Шмелев (вып. 11–14) ; гл. ред. Г. А. Богатова (вып. 15–26) ; гл. ред. В. Б. Крысько (вып. 27–29) ; Р. Н. Кривко (вып. 30–). М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. / под ред. Ю. С. Сорокина, З. М. Петровой, А. А. Алексеева. Вып. 1–21. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева и др. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004.

Щетинин Л. М. Клички лошадей // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубочева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 107–114.

Исследования

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М. : Наука, 1984.

Башин Н. В., Черкасова М. С., Шамина И. Н. Описи вологодских монастырей как источник по аграрной и демографической истории // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 424–449.

Варникова Е. Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. Т. 10. № 1. С. 51–62.

Одинцов Г. Ф. Два ногайских заимствования в русском языке // Этимология. 1971 / отв. ред. О. Н. Трубочев. М. : Наука, 1973. С. 201–204.

Одинцов Г. Ф. К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка / под ред. Р. И. Аванесова. М. : Наука, 1978. С. 172–221.

Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М. : Наука, 1980.

Поротников П. Т. Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1972. С. 210–250.

Романова Т. П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1988.

Романова Т. П., Салмина О. В. Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) // Proceedings of the 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000). Vol. 1 / ed. S. Warchol. Lublin : MCSU Press, 2003. P. 221–231.

Рут М. Э. Ономастиология? Мотивация? Семантика? Идеография? О классификациях имен собственных // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 231–233.

Рядченко Н. Г. Зоонимия как класс ономастической лексики // Актуальные вопросы русской ономастики / отв. ред. Ю. А. Карпенко. Киев : ОГУ им. И. И. Мечникова, 1988. С. 88–96.

Рядченко Н. Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубочева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 77–84.

Смирнов А. А. Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 2 : материалы II Поволжской конф. по ономастике / отв. ред. Т. А. Исаева, В. А. Никонов. Горький : [б. и.], 1971. С. 299–302.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочева. М. : АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004.

Фонякова О. И. О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии // Литературный язык и народная речь / гл. ред. Е. Н. Полякова. Пермь : ПГУ, 1984. С. 111–116.

Чайкина Ю. И. История вологодских фамилий : учеб. пособие. Вологда : ВГПИ, 1989.

Чайкина Ю. И., Варникова Е. Н. Антропозоонимы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 39. № 2. С. 144–149.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Рукопись поступила в редакцию 25.03.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	оренб.	оренбургские
астрах.	астраханские	орл.	орловские
байкал.	русские говоры бассейна оз. Байкал	пенз.	пензенские
барнаул.	барнаульские	перм.	пермские
брян.	брянские	петерб.	петербургские
бурят. (рус.)	русские говоры Бурятии	приангар.	приангарские
влад.	владимирские	прибайк.	прибайкальские
влг.	вологодские	прион.	прионежские
ворон.	воронежские	пск.	псковские
вост.	восточные	р. Урал	русские говоры бассейна р. Урал
вят.	вятские	ряз.	рязанские
горьк.	горьковские	сарат.	саратовские
дон.	русские говоры бассейна р. Дон	свердл.	свердловские
енис.	русские говоры бассейна р. Енисей	сев.	северные
зап.-сиб.	западносибирские	сев.-двин.	русские говоры бассейна р. Северная Двина
иван.	ивановские	сев.-зап.	северозападные
казан.	казанские	сиб.	сибирские
калуж.	калужские	симб.	симбирские
карел.	русские говоры Карелии	смол.	смоленские
кемер.	кемеровские	ср.-урал.	среднеуральские
костр.	костромские	ставроп.	ставропольские
краснодар.	краснодарские	тамб.	тамбовские
краснояр.	красноярские	твер.	тверские
кубан.	кубанские	томск.	томские
куйбыш.	куйбышевские	тул.	тульские
курск.	курские	урал.	уральские
латв. (рус.)	русские говоры Латвии	хакас.	русские говоры Хакасии
ленингр.	ленинградские	челяб.	челябинские
моск.	московские	эст. (рус.)	русские говоры Эстонии
мурм.	мурманские	юж.	южные
нижегор.	нижегородские	юж.-сиб.	южносибирские
новг.	новгородские	якут.	русские говоры Якутии
новосиб.	новосибирские	яросл.	ярославские
олон.	олонецкие		
онеж.	русские говоры бассейна р. Онега		

Прочие

без указ. м.	без указания места записи	субст.	субстантив
--------------	---------------------------	--------	------------

* * *

Варникова Евгения Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
научный сотрудник Лаборатории
лингвистического краеведения и языковой
экологии
Гуманитарного инновационного парка
Петрозаводский государственный
университет
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: e-varnikova@yandex.ru

Varnikova, Evgenia Nikolaevna

PhD, Associate Professor, Research Associate
Laboratory of Regional Language Studies and
Linguistic Ecology
Humanities Innovation Park
Petrozavodsk State University
33, Lenin Ave., 185910 Petrozavodsk, Russia
Email: e-varnikova@yandex.ru

Evgenia N. Varnikova

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia

**SEMANTIC AND WORD-FORMATION FEATURES OF HORSE NAMES
IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
(Based on the Inventory Books of Vologda Monasteries
in the 16th — Early 18th Centuries)**

The paper considers a historical aspect of zoonymic studies which has not been sufficiently developed. The history of Russian horse names (hipponyms) is explored using zoonymic data from the inventories of the Vologda monasteries in the 16th — early 18th centuries, the materials from *Listings of horses* (Moscow, 1665), and archival documents of the Soviet farms of *Sevmaslotrest* from 1930s. The author identifies the lexical structure of Early Modern Russian hipponymy, delves into the meaning of names and appellatives they derive from, analyses the structure of horses' names, and describes the name formation techniques. The studied sources bring the picture of the general development of lexical patterns in the Russian hipponymy. As it turns out, the vocabulary of Early Modern Russian hipponymy is almost identical with the Old Russian anthroponomy, which attests to their genetic unity. At the same time, the use of Christian names is noted, with these becoming more popular in the given period. The article also deals with structural types of Early Modern Russian hipponyms: zoonyms having a substantive form (nicknames formed from onomastic, agential, zoological, and object nouns; zoonymic compounds; suffixal compounds); adjective-based zoonyms; mixed names. In monastic scripts of the 16th — early 18th centuries, the vast majority of units used as hipponyms are “prefabricated” traditional names, the cases of creating original animal names are rare. In the latter case, zoonyms are usually formed using suffixal patterns peculiar for agentive and anthroponomic vocabulary. The word-building patterns include the onymisation of appellatives (sometimes by metaphoric transfer), substantivisation (nominalization) of adjectives, transonymisation of personal and place names. Due to the semantic, structural, and word-formation proximities between Early Modern Russian zoonymy and Old Russian anthroponomy, zoonymic vocabulary of the 16th–18th centuries provides a reliable source on Old Russian onomasticon, as well as explains the “anthroponymic”

nature of modern Russian zoonymy and the active use of personal names for animals at present. This practice turns out to have deep historical roots.

К е у о р д с: Russian zoonymy, horse names, hipponymy, history of horse names, semantics, structural features of hipponyms, principles of word-formation in zoonymy.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 18-012-00810, *Karelian Pomorye: Lexicon and Onomastics (16th–21st Centuries)*).

- Azarkh, Yu. S. (1984). *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word Formation and Morphology of Nouns in the History of the Russian Language]. Moscow: Nauka.
- Bashnin, N. V., Cherkasova, M. S., & Shamina, I. N. (2011). Opisi vologodskikh monastyrei kak istochnik po agrarnoi i demograficheskoi istorii [Inventories of Vologda Monasteries as a Source of Agricultural and Demographic History]. In M. S. Cherkasova (Ed.), *Perepisnye knigi vologodskikh monastyrei XVI–XVIII vv.: issledovanie i teksty* [Census Books of the Vologda Monasteries of the 16th–18th Centuries: Studies and Texts] (pp. 424–449). Vologda: Drevnosti Severa.
- Chaikina, Yu. I. (1989). *Istoriia vologodskikh familii: ucheb. posobie*. [The History of Vologda Surnames: A Textbook]. Vologda: VGPI.
- Chaikina, Yu. I., & Varnikova, E. N. (2012). Antropozoonimy [Anthroponymic Zoonims]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 144–149.
- Chernykh, P. Ya. (1994). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language] (Vols. 1–2). Moscow: Russkii yazyk.
- Foniakova, O. I. (1984). O vzaimodeistvii literaturnoi i dialektnoi leksiki v zoonimii [On the Interaction of Literary and Dialect Vocabulary in Zoonymic Vocabulary]. In E. N. Polyakova (Ed.), *Literaturnyi yazyk i narodnaia rech'* [Literary Language and Folk Speech] (pp. 111–116). Perm: PGU.
- Odintsov, G. F. (1973). Dva nogaiskikh zaimstvovaniia v russkom iazyke [Two Nogai Borrowings in the Russian Language]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya. 1971* [Etymology. 1971] (pp. 201–204). Moscow: Nauka.
- Odintsov, G. F. (1978). K istorii russkikh gippologicheskikh tsветоoboznachenii [To the History of Russian Hippological Color Designation]. In R. I. Avanesov (Ed.), *Issledovaniia po slovoobrazovaniiu i leksikologii drevnerusskogo iazyka* [Research on Word Formation and Lexicology of the Old Russian Language] (pp. 172–221). Moscow: Nauka.
- Odintsov, G. F. (1980). *Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom iazyke* [From the History of Hippological Vocabulary in the Russian Language]. Moscow: Nauka.
- Porotnikov, P. T. (1972). Iz ural'skoi zoonimii [From the History of Ural Zoonymy]. In A. V. Superanskaia (Ed.), *Vostochnoslavianskaia onomastika* [East-Slavic Onomastics] (pp. 210–250). Moscow: Nauka.
- Romanova, T. P. (1988). *Sistema russkikh ofitsial'nykh ipponimov i formirovanie ee tipologicheskikh chert* [The System of Russian Official Hipponyms and the Formation of its Typological Features] (habilitation dissertation). Voronezh State University, Voronezh.
- Romanova, T. P., & Salmina, O. V. (2003). Traditsionnyi plast russkoi zoonimii (na materiale klichek zhyvotnykh s. Pokrovka Samarskoi oblasti) [Russian Traditional Zoonymy (Based on Animal Nicknames from the Village of Pokrovka in the Samara Region)]. In S. Warchol (Ed.), *Proceedings of the 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000)* (Vol. 1, pp. 221–231). Lublin: MCSU Press.
- Rut, M. E. (2015). Onomasiologiya? Motivatsiia? Semantika? Ideografiia? O klassifikatsiiakh imen sobstvennykh [Onomasiology? Motivation? Semantics? Ideography? On Classifications of Proper Names]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etimologiya. Onomastika. Etimologiya: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 7–11 sentiabria 2015 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics.

- Etymology: Proceedings of the 3rd International Conference (Ekaterinburg, 7–11 September, 2015)] (pp. 231–233). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta
- Ryadchenko, N. G. (1988). Zoonimii kak klass onomasticheskoi leksiki [Zoonymy as Part of Onomastic Vocabulary]. In Yu. A. Karpenko (Ed.), *Aktual'nye voprosy russkoi onomastiki* [Topical Issues of Russian Onomastics] (pp. 88–96). Kiev: OGU im. I. I. Mechnikova.
- Ryadchenko, N. G. (1994). Zoonimika. Zoonimii russkaia [Animal Names. Russian Zoonymy]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Russkaia onomastika i onomastika Rossii: slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia: A Dictionary] (pp. 77–84). Moscow: Shkola-Press.
- Smirnov, A. A. (1971). Iz zoonimii Gor'kovskoi oblasti [From the Zoonymy of the Gorky Region]. In T. A. Isaeva, & V. A. Nikonov (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 299–302). Gorky: [s.n.].
- Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic Field and the Russian Language and its Creative Capacity] (habilitation dissertation). Volgograd State Pedagogical University, Volgograd.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic Languages] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Varnikova, E. N. (2011). Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Zoonymy and its Place in Onomastic Vocabulary]. *Voprosy onomastiki*, 1, 51–62.
- Vasmer, M. (2004). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: ASTREL''-AST.

Received on 25 March 2019